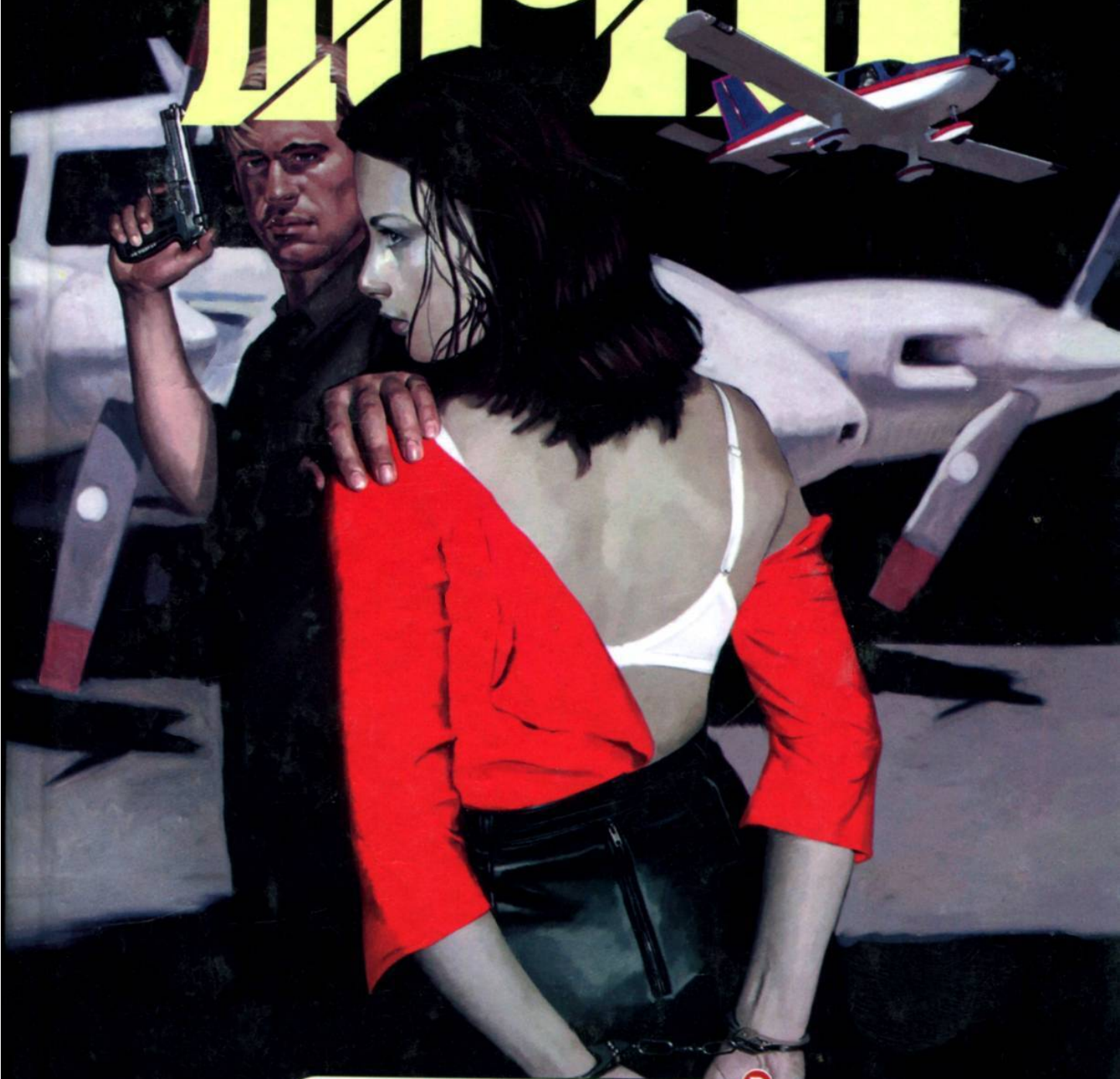

Андрей Троицкий

Крестная

ДОЧЬ

РУССКИЙ ПРОЕКТ®

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Крестная дочь

«Андрей Троицкий»

2011

Троицкий А. Б.

Крестная дочь / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2011 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-699-47573-5

У пилота частного самолета Зубова несчастье – при невыясненных обстоятельствах выпала из окна отеля его дочь Галина. Молодая женщина крепко подседала на наркотики, но вряд ли это обстоятельство сыграло решающую роль в ее смерти. Зубов уверен, что ее убили. Вместе со своим другом и журналисткой, случайно оказавшейся на борту самолета, он летит в далекую голодную степь, посреди которой затерялся домик. Там скрыта тайна смерти Галины. Но чтобы эту тайну разгадать, героям романа придется преодолеть немало физических и нравственных испытаний...

ISBN 978-5-699-47573-5

© Троицкий А. Б., 2011
© Андрей Троицкий, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Троицкий

Крестная дочь

Часть первая

Лишний багаж

Глава 1

Лена Панова больше не мучилась страхом и мыслями о том, куда они летят и что случится с ней, когда самолет совершит посадку. Она решила: раз ее не убили там, на аэродроме, возле здания аэроклуба, в кромешной темноте, в самый удобный момент, когда вокруг не было ни души, значит, из этой переделки она выйдет живой.

Ясно одно: она влипла по самые уши в какую-то грязную бандитскую историю, выбраться из нее будет очень даже непросто, но надежда все-таки есть. Но теперь, когда ты ничего не можешь сделать для своего спасения, когда от тебя ничего не зависит, остается только подчиниться чужой воле и плыть дальше по течению. Перед глазами еще стоял образ человека, час назад направлявшего на нее пистолет и готового, не раздумывая, нажать на спусковой крючок, но первый острый приступ животного страха уже миновал, вернулась способность соображать и трезво оценить свои шансы.

Сидя на заднем кресле, за спиной пилота одномоторного четырехместного самолета «Соката Тобаго», она не отрывала взгляд от приборной доски. Хотелось получить ответ на самые простые вопросы, хотя бы узнать, куда и по какой надобности они летят. Стрелка магнитного компаса крутилась как сумасшедшая. Но магнитный компас самая ненадежная вещь на свете, никогда не угадаешь, на что он реагирует, почему крутится: то ли просто неисправен, то ли в кабине пилота, кем-то забытая, лежит сумка с гаечными ключами. Гирокомпас с заднего сиденья не виден. Авиагоризонт показывает небольшой крен на левое крыло.

Поднявшись до края облаков, самолет продолжал медленно и тяжело набирать высоту, кажется, двигатель работал с перебоями, захлебывался, ему не хватало мощности. Дворники не успевали слизывать капли влаги с лобового стекла. Панова перевела взгляд на пилота и успокоила себя, что Зубов, сидевший за штурвалом, достаточно опытный летчик, чтобы справиться с машиной в критической ситуации. При нулевой видимости, когда через прозрачный верхний люк едва виден оранжевый маячок на вертикальном хвосте, машина продралась сквозь широкую полосу дождевых облаков, преодолела крен.

Выбравшись из этой серой непроглядной мути, поднялась еще выше, и над головой раскрылся бездонный сине-черный купол неба. Внизу за облаками больше не видно ни мелких огоньков аэродрома, ни диспетчерской вышки, зато звезды стали ближе и ярче. Двигатель, сбавив обороты, перешел со взлетного режима работы в номинальный режим, заурчал тихо и ровно. Панова перевела дух. Зубов снял наушники, переключился на громкую связь с землей.

– Тобаго, по курсу боковой самолет, – голос диспетчера донесся из динамиков, вмонтированных в верхнюю панель. – Борт номер шестьсот один. Займите эшелон ниже. Ваш эшелон две тысячи четыреста метров. Видите ли вы препятствие по курсу?

– Я – Тобаго. Борт ТМ-57. Препятствий не вижу. Начинаю снижение.

– Тобаго, в вашем районе облачность восемь баллов. Ветер западный, три метра в секунду. Температура плюс девять.

– Вас понял, – ответил Зубов.

Самолет начал медленно снижаться, пока стрелка альтиметра не установилась на отметке две тысячи четыреста. С земли еще раз передали погоду. Зубов откинулся на спинку кресла и прикурил сигарету. Сейчас у пилота работы немного, тут и новичок справится, нужно не дергать резко штурвальную колонку, держать курс и скорость. Зубов обернулся, насмешливо посмотрел на Панову.

– Что, все еще хочется выйти? – спросил он.

– Вообще-то хочется, но не на лету. – Панова решила, что у пилота не самое плохое настроение. В его голосе слышатся человеческие нотки. И, кажется, никто не хочет выбросить ее из самолета как лишний балласт.

– Раз подвернулся такой случай, следите за моими действиями, набирайтесь опыта, – сказал Зубов. – Вы учитесь летать, кажется, уже пятый месяц и открыли для себя многие тайны. Чем отличается самолет от автомобиля, вы уже знаете. Пилот не таксист. Ему нельзя сказать: останови здесь, я выйду. Хочешь или нет, придется добираться до конечной остановки. Вот и вся разница.

Плоские шуточки инструктора могут довести до иступления кого угодно, но только не Панову.

– Спасибо за эту в высшей степени содержательную лекцию. Большое спасибо, – сказала она и, набравшись смелости, спросила: – Скажете, куда мы держим путь? И когда приземлимся?

Зубов промолчал. Обернулся Виктор Суханов, мужик, сидевший рядом с пилотом на переднем пассажирском месте.

– Слушайте, дамочка, вы задаете слишком много вопросов, – процедил он сквозь зубы. – Кто вы по профессии?

– Журналист.

– Сказать про себя «я журналист» – все равно что сказать про себя «я повар». Но не уточнить, где ты служишь. В рабочей столовке или в ресторане «У Максима».

– Я заведомо светской хроники в газете.

Панова назвала свою газету, подписчиками которой были в основном предприниматели и биржевые спекулянты, заодно уж, для большей убедительности, вытащила из сумочки удостоверение и подержала документ перед носом собеседника. Суханов посветил фонариком и присвистнул.

– Серьезное издание. Только журналистов здесь не хватало. Вот что, дамочка, не утомляйте меня своими вопросами и риторическими замечаниями. И не заставляйте делать то, чего мне совсем не хочется делать.

И снова стал смотреть вперед. Если у близкой и реальной опасности есть запах – этот запах исходит от Суханова. Нет сомнения: свою угрозу он выполнит запросто. Своими ручищами он может свернуть ей шею и, открыв дверцу, выпихнуть обмякшее тело из самолета, с него станется. Он посмотрит вниз, проводит своим грустным взглядом женщину, улетающую в темноту, и ляпнет: «Молодая. И такая дура. Могла бы еще пожить». И навсегда забудет об этом мелком происшествии.

Несколько минут Панова прислушивалась к монотонному шуму бензинового двигателя и вертела головой, рассматривая кабину самолета. Эту машину она несколько раз видела на летном поле и в ангаре. «Соката Тобаго» – самолет французского производства, крылья расположены под фюзеляжем, просторная кабина, кожаные сиденья, хороший обзор для пассажиров. Птичка покрашена в бело-синий цвет, вдоль корпуса узкая красная полоска. Машина не новая, но очень ухоженная, недавно пережившая плановый ремонт и замену двигателя. Кому принадлежит эта дорогая игрушка – неизвестно.

Панова немного успокоилась, сердце билось ровно. Растопырив пальцы, она убедилась, что руки не дрожат. Впереди много времени, чтобы самой разобраться, куда они летят. Она

внимательно вглядывалась в небо, стараясь вычислить направление полета. Звездное небо – все равно что раскрытая книга, нужно только уметь ее читать. Вот яркая Полярная звезда, она всегда на севере, рядом Большая Медведица с ведущей звездой Альтаир. Сейчас Полярная звезда по левую руку от нее. Значит... Значит, пока Зубов держит курс на восток. Скорость сто девяносто километров.

Она перевела взгляд на приборную доску. Если набраться терпения, неотрывно наблюдать за топливомером, можно просчитать расход бензина за час. Затем разделить запас бензина на расход топлива при полете в номинальном режиме. Самолет заправлен под завязку, имеется также навигационный запас. На консолях, под плоскостями крыльев, установлены дополнительные топливные баки емкостью килограммов по сто пятьдесят каждый. Но сколько топлива несет в себе сам самолет, какова емкость танков, расположенных в крыльях и центроплане? Это вопрос на засыпку. Когда Панова снова посмотрела на звезды, оказалось, что самолет изменил курс и летит строго на юг.

Как только будет израсходован бензин из резервных баков, пилот сбросит их вниз. Значит, уменьшится сопротивление, расход топлива тоже уменьшится, а скорость возрастет... И все расчеты придется начать сначала. Над этой задачей голову сломаешь. Ясно одно: путь неблизкий. Остается надеяться, что Зубов или Суханов ненароком проговорятся, назовут пункт назначения во время радиообмена с диспетчерским пунктом одного из аэродромов.

Но радиостанция молчала.

* * *

Весь предыдущий день состоял лишь из неудач и обломов. С самого утра она носилась по коридорам одного из министерств, согласовывая и утверждая интервью с важным хреном, который запретил публикацию и пригрозил подать в суд на газету, если заранее не увидит готового текста. Вся эта беготня не имела результата, самому главному идиоту в этом кефирном заведении что-то не понравилось в статье, он сказал, что сам все исправит, перепишет и уточнит цифры. А на следующей неделе пришлет статью с курьером.

После обеда, когда Панова, вконец измотанная чиновничьей тупостью и крючкотворством, вернулась в рабочий кабинет, ее вызвал шеф-редактор Павел Ларионов, который должен вести завтрашний номер газеты. Все материалы на загонные полосы уже готовы, макет сверстан, но Ларионов, уставившись на экран компьютерного монитора, выразительно морщился, будто он только что проглотил несвежую котлету и теперь испытывал мучительные позывы тошноты.

– Эту полосу ваш отдел делит с отделом культуры. – Он любезно предложил Пановой стул, но на том все любезности кончились. – Газета выйдет в субботу, – сказал Павел. – И люди ждут материалов, которые можно по-читать. А у нас тут... Даже слова не подберу. Полная хренотень. Взгляду не за что зацепиться. От культуры две заметки о театральных премьерах плюс кинокритика, столбец о книжных новинках. От вас репортажи об открытии шикарного кабака, куда якобы съедется вся наша артистическая шобла во главе с этой безголосой сволочью... Ну, толстозадой. Еще репортаж о благотворительном аукционе для светских персонажей. Плюс фотографии, на которых те же самые морды, которые каждый день по телику показывают. Эти хари и так всем осточертели. И теперь я хочу спросить: ну и что?

– Ну и что? – повторила Панова, понимая, куда клонит шеф-редактор. Она тосковала.

Полосы действительно бедные, читать особенно нечего. Значит, вместо ресторанный обозрения придется ставить что-то другое, но приличных репортажей в отделе нет. Корреспонденты догуливают отпуска, а светская жизнь в начале сентября еще не началась, тут полный штиль.

– Такие или почти такие полосы выходят у нас каждую субботу. В чем суть претензий?

– В том суть, что читать нечего. Несколько кудрявых заметок об одном и том же. Кого колыхнет этот долбаный кабак или аукцион? Такой газетой брезгливый человек даже задницу вытирать не станет. Не то что читать эту галиматью. Заметку об аукционе я снимаю. В ней двести восемьдесят строк. Мне нужен гвоздевой материал такого же объема, который будет держать две эти полосы. Редактор отдела культуры Дима Сысоев в отпуске. Поэтому с тебя материал. Сдашь его сегодня, а завтра можешь на работу не приходить. Без тебя справлюсь.

– У меня нет гвоздевого материала.

– Значит, сядь и напиши его, как ты умеешь. В своем стиле. Тему я подкину. Десять дней назад повесилась старая поэтесса. Как там ее... А, Ирина Волгина. Ты ведь хорошо ее знала по жизни. Близкое знакомство, даже дружба. Короче, опиши обстоятельства самоубийства, побольше деталей. Ну, как старуха провисела четверо суток в душной ванной комнате. Соседи ткнулись в ее клоповник, потому что через вентиляцию попахивать стало. Ни одна тварь о поэтессе не вспомнила за те четыре дня, пока она в петле болталась. Правильно?

– Правильно. Но то дела давно минувших дней.

– Десять дней – не так уж много. Ведь ты пишешь не горячую заметку на криминальную тему, а нечто другое. – Ларионов, подбирая слово, пощелкал пальцами. – Ты как бы переосмысливаешь вклад поэтессы в современную литературу и размышляешь о том, в каких сволочей все мы превратились. Позволяем заслуженному человеку с голоду пухнуть.

– Да-да, – машинально повторила Панова, понимая, что отбрыкаться от этого задания будет непросто.

– Вот видишь, – обрадовался Ларионов. – Ты со мной согласна, потому что нечем крыть. Кстати, у Волгиной была собака. И этот пес, оставаясь голодным, обглодал своей хозяйке ноги, когда та болталась на бельевой веревке. Видишь, я еще не пропил свою память. А ты всегда при случае вспоминаешь, что я слишком часто бухаю.

– Я ничего такого не говорила.

Шеф-редактор не заметил последней реплики.

– Нет, милая, я все помню, – сказал он. – Помню все детали, все разговоры. Ты об этом обязательно помяни, об обглоданных ногах. Людям подобные нюансы нравятся. То есть людям нравится, когда такие ужасные вещи случаются не с ними. О причинах, толкнувших бабу на крайний шаг, тоже напиши. Главное – побольше натурализма. Как ее вынимали из петли, кто перерезал веревку, содержание предсмертной записки. Ты справишься.

– Спасибо, блин, за доверие, – ответила Панова. – Но самоубийства – это по отделу преступности, а поэтессы – по отделу культуры. Я тут при чем? Да и предсмертной записки не нашли. Волгина была одиноким больным человеком. Ее последняя книга выходила семь лет назад. Крошечным тиражом. Ей на хлеб едва хватало. Она не нашла в себе сил жить дальше. Борьба с болезнями, одиночеством и нищетой.

– Прекрасно, чудненько. Об этом и крой. Ты ведь раньше работала в отделе преступности, не первый раз тебе писать о висельниках. И еще добавь пару слов о том, какие гады городские чиновники, позволившие поэтессе с именем, лауреату многих премий, подыхать с голоду. Впрочем, нет... О городских чиновниках ни слова. А то поссоримся с московской мэрией, и они нам сделают бяку. Арендную плату повысят или свет отрубят. Или воду отрежут. Придумают, как отыгаться.

Минуту Ларионов молча затягивался сигаретой, потом шлепнул себя по лбу ладонью.

– Вот что. Лучше напиши, что в Союзе писателей бездушные чиновники. Знали о бедственном положении Волгиной и не почесались. Сволочи такие.

– В союзе ругать некого. Литфонд подбрасывал Волгиной на бедность. Помогали...

– Значит, мало помогали, мало подбрасывали, – шеф-редактор привстал с кресла, шлепнул по столешнице ладонью. – Мы ведь должны кого-то приложить. А Союз писателей ругать

можно, хоть последними словами, потому что они нам по фигу. Они бяку не сделают. Прав таких нет.

– Паша, мне надо на аэродром, я встречаюсь с инструктором, – сказала Лена. – Этот мужик приедет издалека, обещал мне передать кое-какую литературу, эти книжки невозможно достать. Уже забили стрелку. Не хочется его подводить.

– Договорись о встрече в Москве. Какого черта тебе на аэродром пилить?

– Инструктор живет в дальнем Подмоскowie. Где-то под Зарайском. Встречаемся на полдороге. Это мне нужно, не ему.

– Тогда перенеси встречу.

– Не могу. У меня экзамен по теории. Кроме того, со смертью Волгиной... Короче, есть проблемы. Я не хотела никому говорить, потому что слухи расползутся по редакции как тараканы. Обрастут самыми нелепыми домыслами. А доброжелателей у меня и без того хватает. Я помогала своему знакомому поэту, точнее редактору, который работает в одном большом издательстве, составлять антологию современных поэтов. Саше Кудрявцеву, слышал о таком? Это так, для души. Мужик почему-то думал, что Волгина давно умерла. А я принесла ему несколько стихотворений, еще не напечатанных. Издательству хорошо, а старуха будет счастлива, когда увидит в книге свои стихи.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Я последний человек, который видел Волгину живой. И один из первых, кто увидел ее мертвой. За день до смерти я забрала у нее машинописные странички со стихами и в тот же день передала их Кудрявцеву. Он сказал, что надо бы еще несколько стихотворений, чтобы выбрать лучшее. Сам хотел к старухе ехать, но я ответила, что привезу. И оказалась в ее квартире через полчаса, как ее вытащили из петли. Там были соседи по лестничной клетке и я. Менты еще не успели приехать. Теперь я прохожу свидетелем. В прокуратуре почему-то заинтересовались смертью старухи. Возбуждено уголовное дело, не знаю почему. И я в этом деле один из фигурантов.

– Никто не мешает фигуранту дела писать о покойном литераторе. Законов таких еще не придумали. И это очень хорошо, что ты все видела своими глазами. Это просто находка для газеты. Кстати, для журналиста у тебя слишком много побочных увлечений: старухи литераторши, любительская авиация. Это отвлекает тебя от работы. Ладно, это я так, к слову. Теперь иди и действуй в заданном направлении.

– Паша, избавь меня от этого...

Шеф-редактор прижал ладони к груди, изобразил на лице плаксивую гримасу.

– Лена, пожалей меня. В воскресенье мы выпустим самый дерьмовый номер за всю историю газеты. Может, ты единственный грамотный человек на всю редакцию. Сделай доброе дело.

– У меня повестка на Петровку. Я должна явиться к некоему майору Девяткину ровно в семнадцать. Неприятная личность, один раз я с ним уже виделась. Проторчала в коридоре два часа, а потом был допрос, растянувшийся аж на десять минут. И вот снова...

Панова выложила на стол мятую бумажку. Это была последняя надежда улизнуть с работы.

– Я позвоню одному из замов начальника ГУВД, допрос перенесут. – Ларионов пробежал глазами строчки. – Или отменят. Все, иди.

* * *

Доброе дело отняло слишком много времени. Корреспонденция о поэтессе, наложившей на себя руки, была готова, когда за окном уже смеркалось. Шеф-редактор, прочитав материал и не найдя в нем жутких подробностей смерти поэтессы, обглоданных конечностей и трупных

пятен, только вздохнул и сказал, что натурализма мало, зато охов, вздохов и женских соплей – через край. Попросил дописать еще пятьдесят строк и, поставив корреспонденцию на загонную полосу, отпустил Панову, заявив напоследок:

– Я разговаривал с заместителем начальника ГУВД, – и вернул повестку. – Встреча со следователем Девяткиным отложена. Но ненадолго. Он ждет тебя завтра к девяти утра. Этот мужик не любит по выходным нежиться в кровати. Странная привычка. Не опаздывай. И паспорт не забудь. Я так понял, что менты настроены серьезно.

– Спасибо, обрадовал.

Лена заехала домой переодеться, битый час проторчала в пробке на набережной и добралась до аэродрома, когда совсем стемнело.

Охранники, дежурившие на вахте при въезде, сказали, что в летной школе сейчас никого нет, даже дежурного. И долго мусолили пропуск Пановой, передавая его из руки в руки.

– Сегодня должен дежурить инструктор Вася Анисимов, – в десятый раз объяснила Панова. – Я приехала из Москвы специально, чтобы забрать методическую литературу к зачету. Если Анисимова нет сейчас, значит, он появится позже. Разрешите, я подожду.

Старший по группе принял решение и, кисло улыбувшись, сказал, что здесь не Шереметьево или Домодедово, порядки либеральные, курсанту летной школы можно пройти на территорию, только машину придется отогнать на служебную стоянку по эту сторону забора. Через полчаса Лена подошла к одноэтажному зданию на самом краю летного поля.

* * *

Темнота почти полная, здания складов и ангары совсем не видны, только вдалеке за ее спиной горели сигнальные огни взлетной полосы и светилась вышка аэродромного диспетчерского пункта. Окна летной школы плотно закрыты, дверь заперта. Но она знала, где Анисимов оставляет ключ, когда сматывается отсюда по своим делам. Она подошла к ближнему окну, нащарила выемку между стеной и наличником.

Через десять минут Панова сидела за столом дежурного по авиационной школе «Крылья», пила кофе из пластикового стаканчика и читала записку инструктора. «Лена, я вернусь около полуночи. Если есть время и терпение, дождитесь меня. Поговорим. Если торопитесь, положите ключ на прежнее место. Книги, которые я обещал принести, в верхнем ящике. В. Анисимов».

В столе она нашла лишь засаленную колоду карт и солнцезащитные очки с треснувшим стеклом. Брошюры по основам ведения радиообмена, выпущенной мизерным тиражом для служебного пользования, и наставления об организации полетов любительской авиации на месте не оказалось. Раритетные книжечки, такие у букиниста не купишь, и зачетов в школе без них не сдашь. Еще минут пять Панова шарилась по столу и тумбочкам, пока наконец не убедилась: книг нет нигде.

– Проклятье, – сказала она. – Черт бы побрал этого беспамятного козла. Жди теперь его до полуночи. Господи... Сегодня мне везет как утопленнику. Даже меньше.

Кофе не взбудрил, а нагнал тяжелую дрему. После мутного бестолкового дня бороться с сонливостью не осталось сил. Она еще четверть часа, сидя в кресле, клевала носом. А потом вспомнила, что в соседней комнате есть старый кожаный диван на пружинах. Полчаса отдыха – это все, что ей сейчас нужно. Лена заперла изнутри замок входной двери, потушила свет и плотно прикрыла дверь в дежурку. Когда Анисимов вернется и не найдет ключа, он будет с такой силой молотить кулаками в дверь, что мертвого разбудит. Она опустила горизонтальные жалюзи, чтобы не видеть огоньков вышки, вытянувшись на диване, закрыла глаза и мгновенно провалилась в темный колодец забытья, находившийся где-то на границе между сном и явью.

Привиделась покойная поэтесса, которая оживленно обсуждала с шеф-редактором подробности своей трагической кончины и требовала внести правку в статью Пановой. Шеф-редактор пытался возражать, но как-то вяло, не пафосно. Говорил тихо, жевал кашу, покашливал и все повторял: «Можно попробовать по-другому» и почему-то называл покойную поэтессу «командиром». «Тут надо делать, а не пробовать», – сердилась Волгина, она говорила сиплым простуженным голосом. «Можно попробовать, – тупо повторил шеф-редактор и подвел черту под беседой. – Впрочем, как скажешь, командир. Тебе, в конце концов, виднее».

Панова открыла глаза, но не увидела ничего, кроме непроглядной темноты.

– Тебе виднее, командир.

Короткая фраза повисла в воздухе. Панова потрянула головой, стараясь вспомнить, где она находится и как сюда попала. Привстав, заглянула за спинку дивана: из-под двери, ведущей в дежурку, пробивалась тусклая полоска света. Значит, голоса ей не приснились. Через минуту сонную одурь как рукой сняло.

– Взрывчатка и оружие уже на борту, – приятный баритончик показался знакомым. – И все остальное тоже. Груза по минимуму.

Голоса сделались тише, собеседники отошли подальше от двери, в глубину комнаты. Приподняв руку, Панова глянула на святящиеся стрелки часов: четверть второго ночи. Долго же она спала. Значит, Вася Анисимов снова обманул, так и не явился в назначенное время. Теперь Панова не разбирала разговора за дверью, лишь отдельные слова. Она надела ботинки из нубука и легкий пиджак, поднялась на ноги, стараясь не издать ни звука, но пружины старого дивана предательски зазвенели, под ногой скрипнула разошедшая половица. Панова застыла на месте, не зная, что делать дальше. В соседней комнате этих звуков не услышали, двое мужчин продолжали говорить.

Глазами испуганной лошади Панова озиралась по темным углам комнаты, но ничего не увидела, кроме той полоски света под дверью. Нащупав сумочку, повесила на плечо ремешок, подтянула джинсы. Только сейчас она окончательно проснулась, снова обрела способность соображать и действовать. «Оружие и взрывчатка, – стучало в голове. – Взрывчатка и оружие». Крадучись, она подошла к двери, прижав ухо к косяку. Лена не могла вспомнить имя того мужика, говорившего приятным баритончиком, но его собеседника узнала быстро: старший инструктор авиационной школы «Крылья» Леонид Иванович Зубов.

Судя по звукам, кто-то из мужчин чирикал мелом по доске, что-то рисовал или писал.

– Если верить военной карте, тут проходит русло высохшей реки, а здесь дно высохшего озера, – говорил Зубов. – Хорошее место для посадки. Но если ветер поднимет песок, сесть будет трудно. Ранней осенью там начинает дуть восточный ветер. Эта бодряга может продолжаться сутками. Мы ничего не увидим, кроме летящего песка. Справа и слева от высохшей реки склоны холмов. Короче, место – не подарок. Но ничего лучшего поблизости нет.

– Будем надеяться на хорошую погоду, – ответил собеседник.

– Мы выдвигаемся сюда, – Зубов царапнул мелом по доске и поставил точку. – Вот здесь среди холмов проходит единственная дорога. А вокруг одни овраги. Разминуться с нашими друзьями, – слово «друзья» он произнес презрительно, словно плюнул на пол, – разминуться с ними мы не сможем. Останется подождать немного и... И порядок. Время на подготовку должно остаться. Что у нас с оружием?

– В принципе есть все, что я заказывал...

Панова еще сильнее вжалась ухом в дверной косяк, она ловила каждое слово. Но по мере того, как суть разговора становилась более или менее понятной, вернулся страх, снова сжавший душу. Если мужчины, закончив разговор, войдут сюда, в соседнюю комнату, лицом к лицу столкнутся с ней... Нет, об этом даже подумать страшно.

* * *

Отступив от двери, Панова осторожно шагнула в сторону, дождалась, когда глаза привыкнут к темноте. Спрятаться в комнате негде, здесь нет встроенных шкафов. Нет ничего, кроме продавленных кресел, скрипучего дивана и стальных полок, забитых какой-то макулатурой. Теперь она скорее угадывала, чем видела, абрис окна, жалюзи опущены не до конца, на белый подоконник падает далекий свет диспетчерской вышки, издали напоминающей старый маяк, увешанный гирляндами разноцветных лампочек.

Выставив руки вперед, чтобы не натолкнуться на препятствие, Панова подошла к подоконнику. Нашарив веревку жалюзи, потянула ее наверх, в комнате стало светлее. Она перевела дух, убедилась, что верхний шпингалет опущен, дернула нижний шпингалет. Полдела сделано. Остается опустить ручку окна, толкнуть раму, аккуратно перебросить одну ногу через подоконник. И что есть духу рвануть в темноту летного поля. Она опустила ручку, толкнула раму двумя руками, но та не сдвинулась ни на миллиметр. Летом здесь делали косметический ремонт, кое-как повазюкали краской по окну, эмаль засохла, прихватив раму к переплету окна.

– Черт, – прошептала Панова. – Черт бы вас всех...

Она налегла на раму плечом, рама сухо затрещала, чуть сдвинулась с места, сверху на подоконник посыпались мелкие чешуйки краски. Тишина такая, что слышно, как о стекло бьется муха. Еще одно усилие, и окно распахнется. Панова набрала в грудь побольше воздуха, уперлась ногами в пол, а плечом в оконную раму. Но тут за ее спиной скрипнула дверь, вспыхнул верхний свет.

Глава 2

На пороге стоял старший инструктор Леонид Зубов и еще один персонаж. Кажется, его звали Виктор Суханов. Лена помнила его с того дня, когда впервые увидела. Высокий красивый мужик в потертой кожанке, вытянутое лицо, коротко стриженные темно-русые волосы, прямой нос. И большие серые глаза, в которых навсегда застыли невыразимые грусть и тоска. Романтический образ стопроцентного героя, разочарованного в жизни и себе самом.

В авиационной школе этот тип появлялся пару раз в неделю. Панова точно знала, что допуска к полетам он не имел, числился внештатным инструктором. Чем прощтрафился Суханов, то ли нахватал нарушений в пилотское свидетельство и был отстранен от полетов, то ли на земле совершил какой-то неспортивный поступок, не догадаешься.

Сейчас от того романтического образа следа не осталось. В левой полусогнутой руке Суханов держал пистолет, направив ствол на Панову. Лицо напряженное, глаза сузились в злом прищуре, на скулах перекатываются желваки. Он был очень сердит и не скрывал этого.

– Эй, дамочка, вы, кажется, хотите выйти на воздух? – Суханов не опустил ствол, пока не убедился, что в комнате больше никого нет. – Дверь в другом месте. Не здесь.

Панова подумала, что этот тип пустит ей пулю между глаз, не раздумывая, не испытывая никаких душевных колебаний и мук совести.

– Я только хотела... – начала Панова. Как глупо, она даже не придумала ни одного убедительного слова в свое оправдание. – Я ждала своего инструктора. И задремала на диване. Услышала ваши голоса и...

– Что ты услышала? Конкретнее?

– Ничего такого. Я не прислушивалась. Кто-то разговаривает, и все.

– Вы оказались настолько деликатны, что решили выйти в окно, – продолжил Суханов. – Чтобы не мешать чужому разговору.

Панова силилась придумать какую-то спасительную фразу, короткий монолог, который убедит этих людей в том, что она не слышала ни слова из их разговора, а если и слышала, то с перепугу все забыла. Но спасительных слов не нашлось. Суханов, сунув пистолет под ремень, сделал несколько шагов вперед, сорвал с плеча сумочку, расстегнув клапан, внимательно осмотрел ее содержимое и положил сумку на подоконник. Отступив на прежнее место, посмотрел в глаза Зубову. Панова поняла, что в эту самую секунду решается ее судьба, точнее, ее судьба уже решена, за несколько коротких секунд, с того самого мгновения, когда свет в комнате загорелся, Зубов уже принял какое-то решение. Суханов вытащил пистолет из-под ремня, оглянулся на Лену и снова заглянул в глаз Зубову.

– Нет, – сказал Зубов, отвечая на так и не прозвучавший вопрос. – Нет. Мы возьмем ее с собой.

– Но, командир...

– Мы возьмем ее на борт, – твердо повторил Зубов.

– Это же похищение, – проблеяла Панова. – Вы ответите...

– Заткнись, сука! – Суханов посмотрел на нее с такой лютой злобой, что от страха кожа на спине пошла пупырышками, на лбу выступили капли холодного пота. – Будешь открывать пасть, когда тебя спросят. Но не чаще.

– Я пошел к самолету, – сказал Зубов. – Вылет через двадцать минут. Подходите, когда я запущу двигатель.

Он вышел из комнаты. Панова видела через окно фигуру инструктора. Повесив на плечи две огромные сумки, ссутулившись под их тяжестью, он уходил в темноту летного поля. Следующие двадцать минут она провела в компании своего похитителя, неподвижно просидела на стуле в дежурке, положив ладони на колени. Это были долгие томительные минуты. Два-

жды она пыталась о чем-то просить своего похитителя, лепетала что-то бессмысленное и уни- зительное для себя, но тот не произнес ни слова в ответ. Взглянув на часы, сказал:

– Сейчас мы выйдем на поле. Я не стану связывать тебе руки или затыкать твою пасть своими грязными носками. Ничего такого. Но ты должна знать: я стреляю без промаха. В тем- ноте, на звук. Даже с закрытыми глазами я тебя прикончу, если ломанешься в сторону. Это не пустая угроза, так оно и будет. Теперь пошли.

* * *

Помертвев душой, на дрожащих от страха ногах Панова вышла на воздух, остановилась, дожидаясь, когда Суханов погасит свет и справится с замком. Возможно, в другое время при других обстоятельствах она и попыталась бы бежать в спасительную темноту летного поля, но сейчас, когда страх парализовал все ее существо, мысль о побеге казалась несуразной и дикой. Суханов подтолкнул ее ладонью в спину, придавая движению правильное направление.

Минут через десять они оказались в районе складов в так называемом «кармане», на стоянке, примыкавшей к одной из взлетно-посадочных полос, где, готовый к старту, прогре- вал двигатель легкий низкофюзеляжный самолет с включенными импульсными маяками и бортовыми огнями на крыльях, на хвосте светился оранжевый маячок. Пановой пришлось вскарабкаться на крыло, сделав несколько неуверенных шагов по его плоскости, протиснуться в кабину на заднее сиденье, рассчитанное на двух пассажиров. Суханов устроился впереди, рядом с пилотом, закрыл дверцу, бросил себе под ноги небольшую спортивную сумку. Сидев- ший за штурвалом Зубов обернулся назад, насмешливо глянул на пассажирку и, потушив свет в кабине, приказал всем пристегнуться ремнями к креслам. Он нажал кнопку громкой связи переговорного устройства ультракоротковолновой радиостанции.

– Самолет «Тобаго» борт ТМ-57 находится на стоянке номер шесть в районе грузового склада, – сказал он. – Готов к учебно-тренировочному полету. Разрешите запуск?

– Запуск разрешается, – голос диспетчера казался глухим, будто он только что встал с постели, но еще не успел проснуться.

– Диспетчер руления, борт «Тобаго». Разрешите вырुлить на старт?

– Со стоянки номер шесть, зона грузового склада, рулите на первую дорожку.

Самолет медленно тронулся с места, вырвливая на первую дорожку, подсвеченную огнями, и остановился.

– Перейдите на частоту старта, – сказал диспетчер и зевнул.

– Понял, – ответил Зубов, переключив радиостанцию на другую частоту. – Разрешите занять исполнительный старт?

– Исполнительный старт занять разрешаю.

– Разрешите взлет с ходу?

– Взлет с ходу разрешаю, – ответил диспетчер.

Зубов нацепил наушники с микрофоном, двигатель заработал на высоких оборотах, самолет тронулся с места, резво побежал, ускоряя ход, по взлетной полосе. Легко оторвался от бетона, нос самолета задрался кверху. Панова смотрела вниз, огоньки аэродрома станови- лись все меньше, они быстро превратились в крошечных светлячков, разбросанных в темном пространстве ночи. На шпилье диспетчерского пункта мерцал голубоватым светом сигнальный маяк. Через минуту Зубов заложил вираж, крыло самолета закрыло панораму взлетного поля. И Панова, не имевшая представления о ночных полетах, снова испытала приступ страха и оди- ночества.

– Я Тобаго, – сказал Зубов. – Взлет произвел.

– Займите правым разворотом высоту шестьсот метров, – ответил диспетчер. – Счастли- вого пути, Леня.

Хотелось закрыть лицо ладонями и разрыдаться. Зубов, набрав высоту, стал терзать рацию, переходя с радиочастоты старта на частоту круга, о чем-то переговаривался с диспетчером, но сейчас за ревом двигателя слов было уже не понять.

* * *

Самолет совершил посадку на каком-то захолустном аэродроме под Волгоградом. Вырулив на стоянку, Зубов заглушил двигатель и, захватив с собой какие-то бумаги, зашагал к одноэтажному деревянному домику на краю поля, напоминающему дровяной сарай с окнами. Через полчаса к «Тобаго» подогли бензозаправщик, два смурных мужика в промасленных робах заполнили танки горючим и укатили прочь. Ветер гонял по полю клубы пыли и песок. С места Пановой были видны два транспортника «Ан-2» с зачехленными моторными отсеками и стоявший в стороне от них «пузатик» «Як-40». Наверное, эти самолеты, которым место в музее раритетов, не поднимались в воздух целую вечность. Между самолетами, гоняясь за голубями, бегала худая дворняга.

Панова стянула с себя светлый хлопковый пиджак, расстегнула две верхние пуговицы кофты, но легче не стало. Над аэродромом висело знойное марево, насколько хватало глаз, вокруг стелилась ровная, как бильярдный стол, степь, заросшая желтой, выгоревшей под солнцем травой и мелким кустарником. На небе ни облачка, а солнце, поднимавшееся над степью, обещало бесконечный жаркий день. Изнемогая от жары, Суханов приоткрыл дверцу и, прикурив сигарету, стряхивал пепел на обшивку крыла из дюралюминия.

– Сейчас мы обратно полетим? – робко спросила Панова.

– Если вы знаете ответ, зачем задаете вопрос, – не поворачивая головы, ответил Суханов и выбросил окурок. – Или задавать тупые бессмысленные вопросы – ваша профессия?

– Я не знаю ответа. Поэтому и спрашиваю.

– Вы слышали разговор в дежурке. Испугавшись, пытались сбежать через окно. А теперь говорите, что ничего не знаете о наших планах.

– Из вашего разговора я ни черта не поняла, – выпалила Панова и удивилась своей храбрости. – Вы с Зубовым что-то замышляете. Но что именно, сам черт не знает.

Обрывая разговор, Суханов лишь раздраженно махнул рукой и опустил зеленую шторку светофильтр, чтобы солнце не слепило глаза. Тратить лишние слова ему не хотелось. Панова до боли сжала кулаки. В эту минуту она была готова что есть силы вмазать по шее этого придурка, наотмашь, справа и слева. Чтобы до него дошло: рядом сидит образованная современная женщина, а не трамвайное быдло. И разговаривать с ней надо, как с человеком.

– Слушайте, вы...

Панова не закончила фразу. Суханов обернулся и посмотрел на нее так, что спорить расхотелось. Наверное, так смотрят на еще живого мотылька, прищипленного булавкой к стене. Мотылек машет крыльями, сбивая с себя пыльцу, он хочет улететь подальше от гибели, он хочет свободы, но не судьба. В серых глазах ее похитителя не было ни жалости, ни сострадания, только мрачная решимость и все та же невыразимая словами тоска.

– Дамочка, вы до сих пор живы только по недоразумению, – спокойно сказал Суханов. – И это недоразумение я готов исправить.

И прикурил новую сигарету. Панова раскрыла сумочку, сунула в рот мятную таблетку, пахнущую не свежестью, а какой-то химией, кажется, стиральным порошком.

– У вас воды нет? – спросила она. – Хоть глотка.

– Есть вода. Но если захотите отлить, придется мочиться под себя.

Наклонившись, он достал из сумки пластиковую бутылку минералки, свинтил крышку и через плечо передал воду Пановой. Еще через полчаса появился Зубов. Он занял кресло пилота, захлопнул дверцу и, нажав кнопку запуска двигателя, глянул на Лену.

– Я смотрю, вы тут без меня подружились, – усмехнулся он. – Это хорошо. Я за дружбу двумя руками. И ногами.

– Да, крепко подружились, – ответила Лена. Ей хотелось заплакать.

* * *

Когда взлетели и взлетная дорожка, прочерченная по траве покрывками самолетов, занавешенная клубами желтой пыли, осталась далеко внизу, самолет стал медленно карабкаться вверх, движок работал с перегрузкой. На высоте полторы тысячи метров выяснилось, что эшелон занят впереди летящим самолетом, Зубову пришлось сделать круг над летным полем, чтобы пропустить огромный пассажирский лайнер, заходивший на посадку в главный аэропорт Волгограда. Закончив вираж, он переключил рацию на частоту сто двадцать три и четыре десятых мегагерца, снял наушники, включил громкую связь. С земли передавали сводку погоды: ветер два балла, северо-восточный, облачность три балла, хорошая видимость, местами дожди.

– Я – Тобаго. Пункт пролета – Волгоград, – ответил Зубов на запрос диспетчера. – Время – восемь часов сорок пять минут. Высота тысяча двести метров. Путевая приборная скорость двести километров.

Панова расстегнула ремни. Через верхний прозрачный люк она видела, как над ними где-то очень высоко, за границей стратосферы, прошел боевой истребитель. На синем куполе неба он оставил белую царапину и пропал. Стрелка магнитного компаса перестала вращаться, указав направление полета: юго-восток. Значит, они не возвращаются в Москву, а летят дальше, по маршруту, который известен только Зубову и этому отвратительному типу, что сидит рядом с пилотом.

Панова, смертельно уставшая от ночных волнений и страхов, смотрела вниз. Самолет, тихо покачиваясь от бокового ветра, плыл между землей и прозрачными слоистыми облаками. С высоты четко виден причудливый рисунок дорог, ярко-желтое жнивье на полях, полосы лесопосадок, зеленое озеро и одинокая белая церквушка у края погоста. Лена закрыла глаза, пытаясь задремать, но сон не шел. Солнце нагрело кабину, жара как в парилке, но Зубов почему-то не включал кондиционер. Когда дышать стало нечем, он догадался приоткрыть вентиляционный люк вверх. Струя прохладного чистого воздуха, ворвавшись в кабину, обдувала плечи и голову, и стало легче.

– Витя, мы проходим Ахтубинск эшелоном тысяча сто, – громко сказал Зубов, покрывая своим голосом шум винта и мотора. – Что дальше?

Суханов, раскрыв планшет, расстелил на коленях военную карту.

– По компасу должно быть сто тридцать, – Суханов постучал ногтем по стеклу магнитного компаса. – Странно, командир...

– Плевать я хотел на этот компас, – прокричал в ответ Зубов. – Своему чутью я верю больше, чем этому дерьму.

Дальнейших переговоров Панова не слышала. Суханов надел наушник с микрофоном, и они стали вести беседу через самолетное переговорное устройство. Дальше произошло необъяснимое. Зубов выключил радиостанцию, затем бортовой аэронавигационный огонь и маячки. Он плавно отжал штурвал от себя, надавив на педаль, завалил самолет в левый крен. Потянул рукоятку управления двигателем, медленно сбрасывая обороты.

Самолет клюнул носом, медленно пошел вниз, одновременно снижая скорость. Панова почувствовала первый приступ головокружения и кислую тошноту, быстро подкатившую к самому горлу. Руки и голова налились тяжестью, а перед глазами поплыли оранжевые головки с тонкими хвостиками, уши словно ватой заложило. Суханов, угадав состояние и ход мыслей Пановой, обернулся, сунул ей в руку скомканный пластиковый пакет.

– Если будешь блевать, не забрызгай кабину, – крикнул он. – И меня заодно.

Расстегнув сумочку, Лена сунула под язык мятную таблетку, но отвратительный химический привкус вызвал новый приступ тошноты. Зубов выровнял крен, снизил скорость до ста двадцати километров. Теперь они летели так низко, что можно легко разглядеть брошенную на землю пустую пачку из-под сигарет. Если верить альтиметру, они идут на высоте шестидесяти пяти метров, но верить ему нельзя. Данные прибора выставлены на аэродроме под Москвой, там было совсем другое атмосферное давление. Значит, и высота самолета сейчас совсем другая. Панова, гордившаяся своим глазомером, посмотрела вниз, испытывав новый приступ головокружения. Сорок метров над землей, даже тридцать, – и тех не наберется.

– Эй, – набрав в легкие побольше воздуха, крикнула Панова, тронув за плечо Зубова. – Вы что, забыли? Нам нужно выйти на связь с диспетчером.

Ее голоса никто не услышал, пилот на секунду повернул голову назад, что-то промычал в микрофон и снова отвернулся. Панова, стараясь воскресить в памяти основы теоретической подготовки в авиационной школе, с трудом вспомнила несколько прописных истин. Небо над Россией контролируют военные, но для их радаров и локаторов труднодоступен объект, летящий на малой высоте с низкой скоростью. Стало быть, Зубов хочет, чтобы вояки и наземные диспетчерские службы потеряли «Тобаго» из вида. Но зачем, для какой цели ему это нужно? Что же он задумал?

В следующую минуту она испытала новый приступ головокружения, тошноты и животного страха: самолет снизился еще метров на десять-пятнадцать. Так низко над землей она еще никогда не летала. Панова раздвинула ноги в стороны, раскрыла пластиковый пакет и пригнулась к коленям.

* * *

Майор убойного отдела Юрий Иванович Девяткин переворачивал страницы газет, купленных по дороге на службу, и нетерпеливо поглядывал на часы. Ему не нравилось, когда свидетели, вызванные повесткой, опаздывают на допрос. Он думал о том, что сегодня суббота, сентябрь еще хранит тепло ушедшего лета, а он, как последний гад, парится в казенном кабинете, хотя знает сто один способ провести время с пользой и в свое удовольствие.

Эта Елена Панова еще та штучка, со связями. Должна была явиться сюда еще вчера вечером, но каким-то макаром, пользуясь своими журналистскими связями, сумела связаться по телефону с самим заместителем начальника ГУВД и перенести допрос на субботу. Девяткину не нравилось, когда свидетели откалывают такие номера, действуют через его голову, а майора ставят перед фактом. В девять с четвертью он добрался до статьи за подписью Пановой, где она пафосно расписывала заслуги покойной поэтессы Ирины Николаевны Волгиной перед современной литературой и рассказывала о последних годах ее жизни, проведенных в нищете и забвении. Не дочитав материал до конца, Девяткин скомкал газету.

С чего эта журналистка вдруг накропала эту заметку? Специально, чтобы Девяткину кровь попортить? Ведь газеты не только он читает, их иногда и начальство просматривает. Понедельник наверняка начнется с вопроса начальника следственной части: «Ну как там у нас на поэтическом фронте? Какие новости? Что, совсем ничего? Ты потерял свидетеля?»

Он поднял трубку и набрал номер домашнего телефона журналистки, трубку не сняли даже после двадцатого гудка. Мобильник оказался вне зоны досягаемости.

– Очень мило, – сказал вслух Девяткин и на минуту задумался: не бегать же самому, задрать штаны, за этой чертовой бабой. По служебной линии он вызвал в кабинет лейтенанта Диму Жукова. Если эта Панова хотела рассердить всерьез, вывести из себя Девяткина, то она своего добила.

Раскрыв папку розыскного дела, Девяткин записал на листке пару адресов, по которым может появиться Панова, ее телефоны и координаты редакции. И коротко изложил инструкции оперуполномоченному.

– Найди эту, – Девяткин хотел выругаться, но сдержался. – Найди эту особь и доставь ее сюда. В срочном порядке. Внизу служебная машина. Если эта... Короче, если эта баба станет активно возражать, можешь с ней особо не церемониться, по моим прикидкам, она замешана в убийстве. Водила тебе поможет. Только не перестарайся. Чтобы без синяков на видных местах. У Пановой есть связи. Будем потом отписываться целый месяц.

Отпустив Жукова, Девяткин решил, что раз уж в субботу не суждено отдохнуть, то можно немного поработать. Пошуровал в сейфе, вытащил дело некоего Василия Полипова и через полчаса уже сидел в другом следственном кабинете, темном и сыром, расположенном в цокольном этаже. Через подвальное окошко, заложённое стеклянными блоками и забранное намордником, свет едва пробивался, будто на дворе не солнечное утро, а ненастный вечер. В ожидании задержанного Девяткин перелистывал тощую книжку со стихами покойной поэтессы под названием «Все начинается с любви». Пробежал глазами несколько четверостиший и решил – ерунда, бабье рукоделие. И стал баловаться настольной лампой, включая и выключая свет, и ставить крестики на чистом листе бумаге, вспоминая обстоятельства кончины Волгиной.

Следов насильственной смерти на теле не обнаружено, дверь не взломана, обстановка комнаты не нарушена. Но, по словам младшей сестры поэтессы, из квартиры исчезли старинные ювелирные изделия, опись которых подшили к делу. Побрякушки тянут на круглую сумму. Одних крупных камешков от полутора каратов каждый набирается около тридцати штук. Приблизительную стоимость похищенного определить затруднительно. Вот тебе и нищая старушка в латаных чулочках с копеечной пенсией. Волгина редкая жадина и скряга, она поспешила абонировать ячейку для хранения золота или просто не доверяла банкам. Короче, мотив есть. Можно только удивляться, как бабка, сидя на драгоценностях, зашитых в ветхий матрас, так долго прожила. Почему в ее жизни раньше не появился какой-нибудь Родя Раскольников с огромным топором.

В образцах тканей Волгиной, взятых на исследование, судебные медики обнаружили следы солей цианисто-водородной кислоты, точнее, цианистого натрия. Смертельная доза этой отравы ноль шесть сотых грамма. Неизвестный гость угостил бабку куском торта или пирожным, следы крошек с микрочастицами яда обнаружены в помойном ведре. Затем убийца стал свидетелем агонии Волгиной, в течение нескольких минут наблюдал, как она умирает от удушья. Не теряя времени, привязал бельевую веревку к трубе в ванной комнате, завязал скользкую петлю. Волгина была еще жива, когда петля затянулась на шее. Это следует из результатов вскрытия. Закончив дело, преступник аккуратно стер пальцы салфеткой и смылся.

Расчет убийцы был прост и точен. Смертью старух и стариков никто не занимается, вскрытия не делают, разве что по заявлению родственников. Соли цианидов не выводятся из организма и не разлагаются, но и это не проблема. Бабку закопают, и дело с концом. Но на этот раз машина правосудия дала сбой.

Из РУВД дело перекинули на Петровку, в убойный отдел. Девяткин, просмотрев материалы, решил, что тут возни немного. Ясно, Волгину кончил кто-то из ее родственников или близких знакомых, которых заели финансовые проблемы. Круг подозреваемых – узкий, Волгина, мнительная и боязливая, не подпускала к себе посторонних людей, с соседями дружбу не водила, слыла замкнутым человеком. Чтобы размотать дело, требуется три-четыре дня, от силы неделя, не больше. И вот тебе на: важного свидетеля приходится с фонарями искать по всему городу.

* * *

Когда в коридоре послышались шаги конвойных, Девяткин пригладил волосы, надел очки с простыми стеклами, поправил узел галстука и сдвинул на угол стола книжку стихов. В своем скромном костюме и этих бутафорских очках он напоминал учителя пения из средней школы. Он третий раз проводит допрос Василия Полипова, поэтому успел вжиться в роль доброго сердечного следователя, в жилетку которого так и хочется поплакаться.

Подозреваемый, присев на краешек табурета, сжал ладони замком и уставился в бетонную стену. Девяткин, наблюдая за ним, решил, что Полипов почти дозрел до признательных показаний; чтобы облегчить душу, остается сделать последний шаг.

Милицейский патруль взял этого приятеля с дымящимся пистолетом в руке. Вместе с двумя дружками он пытался угнать с платной стоянки очень дорогую тачку. Но охранник, отлучившийся к своей знакомой, жившей неподалеку, вернулся раньше обычного. Сдуру вступил с бандитами в потасовку и получил три пули в живот. Мокруха – это против правил Полипова, профессионального угонщика иномарок, но в тот раз выбора у него не было. Охранник уже передернул затвор помпового ружья. После убийства подельники успели разбежаться, а Полипов выбрал не ту дорогу и наткнулся на ментов. Теперь он утверждает, что действовал один. Понимает: разбой в составе группы – это другая статья и другой срок. Но назвать имена все равно придется.

Девяткин угостил подозреваемого сигаретой и поймал на книжке стихов его насмешливый взгляд.

– А ты, Вася, решил, что следователи только Уголовный кодекс штудируют? Как видишь, и до стихов руки доходят. Вот перечитываю и душой отдыхаю. Проникновенные строки: все начинается с любви... Звучит, а?

– Звучит, – ответил подозреваемый.

Неожиданно он ссутулился, опустив плечи, как-то осел на табурете и, шмыгнув носом, размазал по щеке выкатившуюся слезу. Сегодня он не вспоминал ни об адвокате, ни о своих гражданских правах. Повернув к следователю свою морду, распухшую от побоев, начал без остановки шпарить о последних трех сутках, проведенных в камере следственного изолятора, находившегося во внутреннем дворе комплекса зданий ГУВД на Петровке.

Соседями по четырехместному боксу оказались два бессловесных мужика, мокрушника, и здоровенный, как сейф, молодой отморозок то ли по кличке, то ли по имени Кныш. Это настоящий садист, которому давно пора намазать зеленкой лоб. И прислонить к теплой стенке. Потому что такие фокусы разве что в гестапо выделявали.

– Только и слышишь от него: сними с меня кроссовки, – забыв о сигарете, тараторил Полипов. – Через пять минут: надень кроссовки. Помаши газетой – ему жарко. И все время бьет смертным боем. Придушит меня и сидит лыбится, пока я на полу корчусь... И норовит по голове ударить. А у меня голова и так... Слабое место.

– Да, голову беречь надо, – рассеянно отозвался Девятки, кажется, витавший в облаках. – Одного моего знакомого, профессора астрофизики, жена во время ссоры ударила сковородкой по голове. Думали, это всего лишь синяк, а это – трагедия жизни большого ученого. Теперь он раздает рекламные листовки у метро. На большее не годится.

– И я этому гаду говорю: хоть по репе не бей. А он... Сука, тварь такая. Нарочно...

– Странно, никаких замечаний в журнале нет, – рассеянно ответил Девяткин. – Я специально посмотрел, потому что ты и в прошлый раз жаловался. И Кныш вроде парень смирный.

– Что там в журнале смотреть, вы на меня посмотрите. Хотите рубаху и штаны сниму? На мне живого места не осталось. Я ведь не сам себе три зуба выбил и бока намял. Я пикнуть в камере не могу. У него руки, как мои ноги. А шея как у колхозного бугая. А за щекой он прячет

бритвенное лезвие. Умоляю: переведите меня в другую камеру или отправьте в Бутырку или в «Матросскую Тишину».

– Хорошо, я проверю. – Девяткин что-то чиркнул на листке. – Если Кныша заметят... Нет, лучше я с ним сам строго поговорю. Чтобы руки не распукал.

– Тогда он меня точно на куски порвет, – вздохнув, Полипов с сомнением посмотрел на следователя: кажется, этот тип не сумеет строго поговорить с собственной бабой. Сопля на заборе, а не следак. И угораздило на такого попасть.

– Не порвет, – успокоил Девяткин и, неторопливо разворачивая бланки протокола допроса, выдал домашнюю заготовку. – Кстати, тебе не Кныша надо бояться. По иронии судьбы в соседней камере оказался некий Нико Гендзехадзе, – следователь выдержал паузу, чтобы слова дошли до самого сердца Полипова. – Да-да... Тот самый грузинский авторитет, у которого ты по незнанию пять лет назад угнал его любимую тачку. Дорогушная была... Сейчас он еще не в курсе, что вы соседи. Но скоро узнает: в тюрьме, сам знаешь, тайн не бывает. Вот тогда жди неприятностей.

– Слух еще на воле прошел. Того грузина будто бы утопили.

– А ты больше верь болтовне.

– Пожалуйста, – слезы снова покатались из глаз Полипова. И так быстро, что он не успевал их вытирать. – Кныш обещал сегодня ночью меня пописать... Сказал: бя буду, до утра не допыхтишь. Ему ведь по хрену, на нем четыре жмура висят. Одним больше – не важно. Так и так – до гроба на зоне гнить. Теперь я понял: он действует по заданию этого урода Гендзехадзе. Он меня порежет, а на зоне ему грёв обеспечат. Теперь я все понял... Так и есть...

Полипов давился слезами.

– Ладно, постараюсь что-нибудь придумать, – сжалился Девяткин. – Но перевод в Бутырку обещаю только через недельку, не раньше. Сейчас с перевозкой проблемы. Такие дела... Но выход есть. Ты делаешь чистосердечное признание, письменно излагаешь все обстоятельства того вечера. Все как было. Подробно. С именами, фамилиями... А я сегодня же избавлю тебя от Кныша и Гендзехадзе.

Полипов хлопал глазами и вытирал нос ладонью.

– Ну, твой ход? – сказал Девяткин.

Полипов живо представил себе литые кулаки Кныша. Бритвенное лезвие, зажатое между пальцами. И еще представил себя, больного, с лицом, исполосованным бритвой, обезображенного жестокими побоями. Он стоял у метро и совал рекламные листовки в руки прохожих, люди шарахались по сторонам, брезгливо морщились и отводили взгляды. Жить дальше почему-то расхотелось.

– Ну, мыслитель? – поторопил следователь. – Чего надумал?

Глава 3

Положив перед Полиповым листки чистой бумаги и вызвав дежурного офицера, Девяткин поднялся наверх. Неторопливо пообедал в столовой, завернул к приятелю в хозяйственное управление, чтобы взять реванш за вчерашний проигрыш шахматной партии. Когда начало смеркаться, вернулся в рабочий кабинет, перед дверью уже топтался лейтенант Жуков. Новости, которые он принес в клюве, заставили Девяткина надолго задуматься.

Елена Панова ушла с работы без четверти шесть вечера, по словам шеф-редактора, она отправилась на встречу с каким-то летчиком-инструктором, свидание назначили на одном из подмосковных аэродромов, где его подчиненная проходит обучение в летной школе «Крылья». Ушла соседка по площадке видела Панову вчерашним вечером, когда та ненадолго заскочила в квартиру, что в районе парка Горького. А потом села в родстер «БМВ» и куда-то укатила. Очень спешила, видно, к мужику опаздывала.

Жуков с водителем отправились на аэродром, там их ждал сюрприз: родстер «БМВ», на котором ездит Панова, стоит на автомобильной парковке у внешней стороны забора. Дежурные охранники, сверившись с журналом, заявили, что Елена, предъявив временный пропуск, зашла на территорию в двадцать два часа пятнадцать минут. Обратного не выходила, на аэродроме ее тоже никто не видел. Девяткин задал Жукову несколько наводящих вопросов и не получил толковых ответов: времени, чтобы собрать всю информацию о ночных похождениях Пановой, у лейтенанта было немного.

– Черт, – сказал Девяткин. – Только этого геморроя не хватало. Черт бы вас всех...

Он отпустил оперативника, решив, что важные свидетели по делу об убийстве просто так, ни с того ни с сего, не исчезают. А если уж исчезают, то надолго, бывает, что и навсегда.

Девяткин составил в уме короткий план дальнейших действий. Сейчас нужно спуститься в комнату для допросов в цокольном этаже, подшить к делу бумаги, Полипов наверняка закончил свой чистосердечный опус. Затем через контролеров следует вытащить из камеры оперативника старшего лейтенанта Лебедева, тяжеловеса, призера всех ведомственных соревнований по вольной борьбе, чемпиона Москвы и области. Ему наверняка осточертело четвертый день изображать из себя отморозка и беспредельщика Кныша. Пусть отправляется домой и смоем с себя тюремную пыль. Впрочем, Лебедев спал на нарах, отбивал кулаки и мочалил Полипова не за спасибо, старлею нужны лишние дни к отпуску. И он их честно заработал.

А вот Девяткину придется ехать на аэродром и выяснять все обстоятельства исчезновения свидетеля. Похоже, что дело об убийстве поэтессы оказалось не простым, как молоток. Скорее всего, одной смертью тут не обойдется.

– Все начинается с любви, – сказал Девяткин и, сунув пистолет в подплечную кобуру, поднялся из-за стола. – А кончается дерьмом...

* * *

Через лобовое стекло, через полупрозрачный круг, нарисованный крутящимся воздушным винтом, Виктор Суханов разглядывал линию горизонта и думал о том, что сейчас начался самый опасный участок маршрута, от контрольной точки Никольское до побережья Каспийского моря. Если наземные службы не засекут борт в том месте, где ему быть не положено, если удастся спокойно пройти эти две с половиной сотни километров, значит, Зубов справился с задачей. Значит, их план близок к осуществлению, мало того, он входит в завершающую стадию.

Но до морского побережья еще пилить и пилить. Если самолет сильно отклонился от курса и не выходит на связь с землей, но, несмотря на все ухищрения пилота, не пропал из

поля зрения радиолокаторов, с военного аэродрома под Саратовом в воздух поднимут пару перехватчиков. «Тобаго» заставят сесть, первым делом следователи военной прокуратуры или ФСБ обыщут самолет. Они найдут на борту ящики с тротилом фабричного изготовления, огнепроводный шнур, взрыватели, нарезное и гладкоствольное оружие, патроны, несколько гранат «Ф-1». Целый арсенал.

Найми хоть дюжину самых именитых адвокатов, только попусту изведешь деньги, но от тюрьмы не отмажешься. Заседатели даже года не скостят, а прокурор подберет такие долгоиграющие статьи, что воздуха свободы глотнешь лет через пятнадцать, не раньше. А из этой дамочки Пановой получится отличный свидетель обвинения. Она с большим удовольствием утопит в дерьме Зубова и Суханова. А потом пойдет со своим хахалем в кабак. Пить французское шампанское за то, чтобы они заживо сгнили на зоне строгого режима где-нибудь под Салехардом.

В кабине было душно, утреннее солнце жарило так, будто наступил полдень, но он не замечал этих мелких неудобств. Где-то справа русло Волги с низкими внешними берегами и отмелями, ниже по течению высокие утесы и пойма реки, утопающая в желтизне лугов, впитавших в себя зной долгого лета, медленно уходящего на юг. Над поймой облако, тащившее за собой серый шлейф дождя.

Если все пройдет гладко, над Каспийским морем можно набрать высоту до пятисот метров и увеличить скорость, попутный ветер сам донесет их до цели. Суханов вытащил из нагрудного кармана куртки истертую медную монету, две копейки тысяча восемьсот двенадцатого года, в дырочку продета тонкая стальная цепочка. Крепко сжал медяшку в кулаке, на удачу. Это движение не ускользнуло от внимания Зубова.

Скосив глаза, он усмехнулся и покачал головой.

– Витя, ты все теряешь, как беспамятная старуха, – сказал он в переговорное устройство. – Неужели ты до сих пор не посеял эту штуку?

– Как видишь, командир. Монетка при мне.

Сам Зубов не брал в полеты никаких талисманов, просто потому что таких вещиц у него никогда не было. Если не считать фотографии дочери и жены, спрятанной в потертом бумажнике.

* * *

Последние два месяца Суханов ждал известия о начале задуманной операции. Но когда в его квартире раздался телефонный звонок и слегка взволнованный Зубов сообщил, что скоро вылетать, оказался до конца не готов к этой новости. На следующий день после окончания урока преподаватель географии Виктор Юрьевич Суханов немного нервничал. Он завернул в служебный туалет, сунул в рот таблетку сердечного препарата, чтобы кожа лица сделалась бледной, болезненно-серой, а на лбу и щеках выступила испарина. Запил эту дрянь водой из-под крана. Закрывшись в тесной кабинке, неторопливо выкурил сигарету, дожидаясь, когда эта штука подействует.

Времени на то, чтобы собраться в дорогу, отмазаться от работы и слепить себе хоть какое-нибудь алиби, не так уж много. А дел хоть отбавляй. Нужно съездить на другой конец города, в гараж, оформленный на чужое имя, погрузить в багажник «Форда» спрятанные там оружие и взрывчатку. Это самое важное. Но есть еще кое-какие дела. Откладывать разговор с женой и этим чертовым хмырем, ее любовником, нельзя, просто некуда откладывать. Суханов все тянул с этим, дожидаясь лучших времен, и вот все выпало на последний день. Путешествие предстоит не самое легкое, черт знает, чем кончится дело. Возможно, вернуться назад ему не судьба.

Большая перемена подходила к концу, когда он, зайдя в учительскую, присел за письменный стол у окна, разложил перед собой бумаги, сделал вид, будто изучает план занятий на следующий месяц. Сегодня у Суханова больше уроков нет, и в школе ему делать нечего, но важно, чтобы сослуживцы, крутившиеся здесь, запомнили, что географ паршиво выглядел, а на следующий день не вышел на работу.

– Витек, ты чего тут паришься? – Преподаватель физкультуры Телегин, шагнув к столу, наклонился, заглянул в глаза Суханова. – Слушай, старик, ты бледный как смерть. Шел бы ты домой...

– Да, неважно себя чувствую, – Суханов вытер платком влажный лоб. – Хотел тетрадки посмотреть. Но башка раскалывается, что-то я совсем заржавел.

– Виктор Юрьевич, на вас лица нет, – к столу подошла учительница биологии Надежда Павловна. Похожая на ученую сову, она, склонив голову набок, поправила очки и прищурила близорукие глаза. Это особа вякала по любому поводу, но сейчас это кстати. – Идите к врачу. Прямо сейчас.

– Пожалуй, я так и поступлю.

Суханов сгреб в портфель бумаги и, попрощавшись, закрыл за собой дверь, дошагав до конца коридора, стал медленно спускаться по лестнице на первый этаж, раздумывая о том, нужно ли появиться перед глазами директора школы и перекинуться с ней парой слов. Пожалуй, не помешает.

* * *

Кабинет Зинаиды Львовны Осиповой был пропитан ароматами французских духов. Директор одевалась модно и броско, носила яркие пиджаки, кофточки с глубоким вырезом и юбки, не закрывающие коленок. Поэтому среди подчиненных слыла человеком широких либеральных взглядов.

– Виктор Юрьевич, у нас завтра зарплата, – сказала директор, выслушав жалобы Суханова на здоровье. – Если хотите, я принесу вам деньги домой.

– Не стоит беспокоиться.

Директриса давно примеряется, как бы закрутить роман с учителем географии, но удобного случая не подворачивается, шансов у Зинаиды, честно говоря, совсем немного, но бабы уж такой народ, они способны ждать долго, очень долго. Вспомнив, что жадные мужики не нравятся ни одной уважающей себя женщине, посмеиваясь про себя, Суханов добавил:

– Копейка у меня всегда водится. Потому что я чертовски экономен. Просто чертовски. Как говорится, скупость – не глупость.

Этот выпад не произвел никакого впечатления на директора. В сравнении с неотразимой мужественной красотой и природным обаянием Суханова его мелкие человеческие слабости не имели никакого значения. Зинаиду можно понять. Пару раз Суханов видел ее мужа, высокого сутулого мужика в куцем пиджачке и очках с толстыми стеклами. Ему еще сорока не стукнуло, но он крепко усвоил стариковские повадки: ходил как-то боком, шмыгал носом и держался за живот, будто страдал хронической диареей. По слухам, этот Петя никогда не блистал умом, но, получив второе университетское образование, окончательно отупел. Потом накатал кандидатскую диссертацию и стал настоящим законченным идиотом. Трудно сказать, на какую работу этот мужик годился: без блата он едва ли устроился бы сторожем на стройку.

Наверно, поэтому, из-за природного идиотизма, отягощенного высшим образованием и диссертацией, он получил место вице-президента крупной консалтинговой компании. И теперь греб бабки лопатой. Зинаида искренне презирала мужа и не скрывала своих чувств ни от Пети, ни от окружающих.

– Но деньги вам могут понадобиться в любую минуту, – директор проявила настойчивость. – Болеть в наши дни – это дорогое удовольствие.

– Но не для меня, – сказал Суханов, отрезая все попытки сближения.

– Понимаю, – кивнула Осипова.

Она по-своему истолковала слова собеседника. Географ прилично одевается, всегда следит за собой, ездит на иномарке. У него дача в тридцати верстах от Москвы, большая квартира. Ясно, что все это куплено не на учительские копейки. В прежние времена Суханов работал в гражданской авиации, летал штурманом на больших самолетах и по жизни привык себе ни в чем не отказывать. Да и сейчас на стороне, видимо, имел добрый приработок. Так что учительская зарплата для него так... Один раз в ресторане пообедать. Осипова спрашивала себя, что такой видный мужик забыл в школьной богадельне, что он тут делает, и не могла найти ответа.

– Наша зарплата – это смех, – печально улыбнулась Зинаида. – Некое пособие, чтобы учителя не слишком часто падали в голодные обмороки. То есть падали, но не каждый день. И не при детях. Ладно, Виктор Юрьевич, выздоравливайте. На уроках я вас подменю. Если вы помните, я сама учитель географии. В прошлом.

– Спасибо. Жаль, учебный год только начался, а я уже расклеился.

– Бывает. Кстати, больничный можете не брать. Пока дожدهшься своей очереди в поликлинике, болезнь пройдет.

– Или дуба врежешь, – кивнул Суханов. Именно этих слов, разрешения не брать больничный лист, он ждал от Зинаиды. Таскаться по врачам просто не осталось времени. Теперь алиби, можно сказать, в кармане.

– В аптеку есть кому сходить? – сворачивала на свою тему Зинаида.

– Я не глотаю лекарства горстями. И жена как раз из отпуска вернулась. Когда у меня начнется агония, предсмертные конвульсии и все такое, она, если будет в добром расположении духа, вызовет «Скорую».

– Ваш черный юмор не всякий человек поймет.

Известие о жене, вернувшейся из отпуска, Зинаиде не понравилось. Но, подумав минуту, директор решила, что все не так уж плохо: с супругой у географа напряженка, до развода рукой подать. Разговоры об этом давно бродили среди учителей, теперь Суханов сам косвенно подтверждает эти сплетни.

– Я буду серьезен, – пообещал он. – Мне нужен покой. Вырублю телефон, не стану подходить к двери. А лучше всего уеду на дачу. Свежий воздух – лучшее лекарство. Простите... И еще раз спасибо.

Он поднялся из кресла, попрощавшись, вышел на залитый солнцем школьный двор. Сев за руль «Форда», Суханов подумал, что его алиби так себе, на троечку едва тянет. Если все пойдет наперекосяк с самого начала, если он попадет на мушку правоохранительным органам, фээсбэшники возьмут его в оборот, начнут прессовать мнимого больного, все маленькие хитрости не будут иметь никакого значения. Суханов не профессиональный убийца высокого класса, он не может, не умеет просчитать каждый свой шаг, предусмотреть любую неожиданность, да еще на скорую руку слепить себе убедительное алиби.

Остается надеяться на удачу. Если ему хоть раз в жизни должно повезти, пусть повезет сейчас.

* * *

Лететь над морем, когда линия горизонта сливается с небом, не самое приятное занятие на свете. Вокруг нет никаких ориентиров, нет площадок для аварийной посадки. Кажется, что крохотная песчинка самолета утонула в этой голубой бездне. Впрочем, все это пустяки в сравнении с тем, что фишка легла правильно, на свое место, «Тобаго» проскочил наземные

радиолокаторы и теперь находится в сорока пяти километрах от российского побережья. Здесь его уже не достанут. Суханов расстегнул пуговицы рубашки до пупа и сказал себе, что так и должно было случиться; если кресло пилота занимает Леонид Зубов, он проскочит хоть в игольное ушко, посадит самолет даже не на аэродром, а на рублевую монетку.

Когда-то сопливый немецкий студент Матиас Руст, стартовав из Хельсинки на четырехместной «Цессне-172», в одиночку обошел мощную систему ПВО тогдашнего Советского Союза, покружив над Кремлем, совершил посадку на Васильевском спуске. Летный стаж этого девятнадцатилетнего мальчишки – всего пятьдесят часов или того меньше. Ему ли с Зубовым равняться!

– Здорово, – сказал Суханов в микрофон, соединенный с наушниками. – Даже не верится, командир.

– Во что тебе не верится?

– Ну, что мы проскочили. Что все самое страшное позади. Мне все кажется, что появится «МиГ», помаячит впереди, качнет крыльями, попытается выйти на связь. А когда мы откажемся изменить курс и пойти на снижение, зайдет с тыла и выпустит нам в хвост неуправляемую ракету. И мы сгорим, превратимся в пепел, даже не долетев до земли. Эта картина долго стояла перед глазами. Она очень меня расстраивала.

– Все в наших силах, Витя. – Зубов был сосредоточен на своих мыслях, видимо, не очень веселых. Он хмурил брови. – У тебя раньше не было такого богатого воображения. А сейчас оно просто того... Зашкаливает.

Этот упрек или похвала – понимай как хочешь, почему-то обрадовал Суханова. Впервые за время полета захотелось сказать доброе слово дамочке, сидевшей сзади. Он снял наушники и обернулся, посмотрел на нее: женщина держалась достойно, только лицо немного бледное, и зрачки глаз расширены, как у наркомана, вколовшего дозу винта. А так все в порядке.

– Ты еще жива? – спросил Суханов. – Хочешь леденец?

– Спасибо за заботу, – выдавила из себя Панова и прищурилась, как дикая кошка. – Мне уже лучше. Теперь вы можете ответить: где мы летим? И куда направляемся?

– Теперь могу. – Суханов посмотрел на циферблат наручных часов. – Через четверть часа мы окажемся над территорией северного Казахстана. Затем снизимся и пойдем дальше на малой высоте. Еще часа через два совершим посадку на севере Узбекистана. Это не самое приятное место на свете, но нам туда надо по срочному делу.

– Вам туда надо... А я тут при чем? Почему вы не оставили меня там, на аэродроме?

– Опять ты за свое. Хватит разводить эту бодягу. Если бы мы оставили тебя, ты первым делом позвонила бы в приемную ФСБ. И наш самолет посадили бы еще ночью. Или сбили его. Существовала альтернатива: хлопнуть тебя на месте или взять с собой. Скажи спасибо, что мы не выбрали первый вариант.

* * *

Панова очнулась от забытья, открыла глаза. Усталость и пережитые волнения все-таки взяли свое, она задремала. Голова оставалась тяжелой, едва поворачивалась. От долгого неподвижного сидения на одном месте занемели ноги. Полупустая бутылка воды, стоявшая под креслом, упала, потому что самолет заложил левый крен.

Глянув вниз, Лена увидела, что дополнительных топливных баков нет на месте, горючее уже выработано без остатка, Зубов сбросил баки вниз, когда она спала. На часах шестнадцать с четвертью по Москве. «Тобаго» кружил над землей на высоте тридцати метров, выбирая место для посадки. Собственно, выбирать было не из чего. Внизу пустынный степной ландшафт, песок и проплешины выгоревшей под солнцем травы, холмы с плоскими вершинами – плохое

место, чтобы приземлиться. Ниже – осыпавшиеся склоны и высохшее озеро, глинистое дно припорошено мелкой солью, сверху напоминающей сахарную пудру.

Заходя на посадку, самолет сбавил скорость, пошел на новый круг, на этот раз большего диаметра.

Панова подумала, что Зубов немного не в себе, если хочет посадить машину не на плоский холм, а на дно пересохшего озерца. Там наверняка полно острых камней, о которые легко проколоть покрышки, сломать стойку шасси, тогда самолет, имеющий переднюю центровку, запросто перевернется. Кроме того, узкое пересохшее озеро, зажатое между холмами, – слишком короткая посадочная площадка. При приземлении на его правую или левую оконечность самолету не хватит места, чтобы погасить скорость и остановиться у противоположного края. Если они не перевернутся, «Тобаго» наверняка врежется в пологий осыпавшийся склон холма. И все, и на этом точка...

Неужели Зубов не понимает, что сажать машину на плоскую возвышенность, заметенную песком, – это лучший вариант из тех, что есть. По все кодексам, уставам и наставлениям для пилотов, летчику строго запрещено находиться в воздухе более восьми часов, а за последние сутки Зубов вдвое превысил этот лимит. Он смертельно устал, перегрелся на солнце, туго соображает и теперь не контролирует свои действия. Сзади видно, как по его шее за воротник майки стекают капли пота, рука, лежащая на рукоятке управления двигателем, слегка подрагивает от напряжения. Он сам не уверен, что все получится, но почему-то идет на риск, хотя нет никакой необходимости подвергать свою жизнь и жизни пассажиров смертельной опасности.

Что возьмешь с Суханова – это совершенно отмороженный тип, психопат и потенциальный самоубийца. Но она не хочет умирать. Только не сегодня, не сейчас. Панова желает сама распоряжаться своей жизнью. Почему у нее никто не спросит, хочет ли она погибнуть в этой богом забытой дыре, на дне пересохшей соляной лужи.

Шум двигателя и винта сделался еще тише. Зубов заложил левый крен и снизился метров на пятнадцать. Боясь потревожить пилота, Лена вцепилась пятерней в плечо Суханова, дернула кожу куртки.

– Эй вы, послушайте, – закричала она. – Здесь нельзя садиться. Мы погибнем. Слышите, вы...

Она тряхнула Суханова за шкуру. Когда он обернулся, лицо оставалось напряженным и неподвижным, как маска, вырезанная из дерева.

– Замолчи, – процедил он сквозь зубы. – Заглохни, дура, я сказал... И пристегни ремни.

Суханов отвернулся. Но Панова не собиралась сдаваться. Обеими руками она вцепилась в ворот куртки. Рванула на себя. Земля приближалась с устрашающей быстротой. Кажется, самолет не пикировал, а камнем падал вниз.

– Скажи Зубову: он угробит нас. Он спятил, мать его. Пусть подышает сам, но не вместе со мной.

– Ты сама заткнешься? – проорал в ответ Суханов. – Или тебе помочь? Сука...

Зубов взял штурвал от себя, отклоняя вниз руль высоты. Самолет, нырнув за песчаный холм, помчался над самой землей. Нос «Тобаго» опустился вниз, лишь на мгновение прикоснувшись к земле колесами, машина подпрыгнула и зависла в воздухе. Зубов пятками надавил на педали, выпустил закрылки, гасившие скорость.

Самолет снова коснулся земли носовым колесом. Подпрыгивая и раскачиваясь на бегу, он мчался прямо на песчаный откос холма, кажется, никакая сила не могла его остановить. Панова закрыла глаза и, уже готовая к неизбежной гибели, прижала ладони к лицу. Она слышала, как ухают амортизаторы стоек шасси, машина касается земли всеми колесами и снова отрывается от нее. Вибрация и тряска усиливаются.

Уже не контролируя себя, Панова, срывая голос, заорала:

– Идиоты... Нам не хватит места для посадки. Господи... Нам не хватит... Поднимайтесь.

Она оторвала руки от лица и увидела, что нос самолета опустился. Винт, замедляя обороты, едва вращался. «Тобаго» катился по дну высохшего озера, поднимая над собой облако песка и мелкой соли. До песчаного откоса оставалось еще добрых двадцать метров. Они благополучно приземлились.

Панова выпустила из груди воздух, обмякла в кресле, почувствовав, что на глаза снова наворачиваются слезы, окружающий мир расплывается и тонет в них.

* * *

По воскресеньям бар «Али-Баба» закрывался в полночь, но сегодня посетитель совсем не шел, поэтому Эдик Волков, единственный работник, оставшийся здесь после того, как сняли кассу и увезли деньги, решил уйти с работы пораньше. На часах уже без двадцати одиннадцать, значит, пора собираться. Эдик вышел из-за барной стойки, объявил парню с девушкой, занимавшим столик возле узкого, как крепостная бойница, окна, что пора бы и честь знать.

Парнишка постучал пальцем по циферблату часов, но Эдик не стал слушать возражения, он направился в темный угол, растолкал ханыгу, дремавшего на стуле, и объявил, что время вышло, заведение закрывается через четверть часа. Вернувшись за стойку, Эдик допил кофе, протер салфеткой пивные кружки, стоявшие на подносе. И хотел отправиться в служебную комнатенку, скинуть замызганный фартук и переодеться, когда дверь открылась, и появился новый посетитель.

Мужчина лет сорока в мятом сером костюме подошел к стойке, поставив на пол дорожную сумку, уселся на табурет и спросил светлого пива. Эдик узнал мужика, кивнул ему, стараясь справиться с приступом волнения, изобразил подобие улыбки. Лицо посетителя загорелое, русые волосы выгорели, на среднем пальце правой руки блеклая татуировка в виде перстня. Звали человека Олегом Славиным, впрочем, имя наверняка липовое, а паспорт подложный. Сразу видно, что он приехал издалека, откуда-то с юга, устал после дальней дороги, хочет выпасться и не расположен к разговору.

– Сегодня ключей нет, – тихо сказал Эдик, бросив взгляд за спину Славина. Из бара еще не вытряхнулся этот чертов парень со своей мочалкой, одинокий пьяница остался на месте и теперь досасывал выдохшееся пиво. – Мне сказали, что вы появитесь только во вторник или в среду.

– Обстоятельства изменились. – Славин хлебнул пива, вытер губы ладонью и положил на стойку пачку сигарет.

Эдик зашел в служебное помещение, вытащил из пиджака мобильник и набрал номер, но не тот, который должен был набрать. Совсем другой. И тихо, прикрывая трубку ладонью, хотя никто не мог его услышать, сказал:

– Это я. Он пришел. Да. Только что. Как снег на голову...

– На полчаса задержать его сможешь? – спросил собеседник. – Так, чтобы не вызвать подозрений?

– Вообще-то он не привык тут рассиживаться. Ну ладно. Попробую. Только я прошу: пусть все будет, как мы договаривались. Никакой крови.

– Об этом не волнуйся, – ответил человек. – Кровь никому не нужна.

Эдик дал отбой, подошел к окну и выглянул на внутренний двор, темный и грязный. В глазах застыла тоска и тревога, возвращаться за стойку не хотелось, но, пересилив себя, бармен поплелся на рабочее место.

– Велели перезвонить через пятнадцать минут, – сказал он мужчине, неторопливо попивавшему пиво, и, чтобы чем-то занять себя, принялся протирать мытые кружки.

Эдик налил посетителю еще пивка и покосился на часы: кажется, время остановилось. Тогда он придумал новое занятие, стал драить щеткой раковину мойки. За работой как-то спокойнее.

Славин появлялся здесь последние полгода, наезжая два-три раза в месяц, обычно по будням. О приезде этого человека предупреждали заранее незнакомые люди. Как только Славин переступал порог заведения, Эдик должен был позвонить по телефону... Номер менялся каждый месяц, а то и чаще. Незнакомый голос диктовал адрес новой съемной квартиры, куда должен был отправиться Славин.

Иногда случалось по-другому. В бар заходил человек и оставлял пару ключей для Олега, от машины и квартиры, наговаривал адрес, который надо, не записывая, выучить наизусть. Бывало, оставляли мобильники, один раз доверили передать большой тяжелый чемодан «самсонит» с кодовым замком. За каким хреном приехал из южных краев этот Олег Славин, что делает в Москве, – этими вопросами бармен не задавался, потому что не хотел знать лишнего. Ясно, что это курьер и привозит в Москву он не семечки и не таджикские дыни. На этом точка.

Впрочем, если разобраться, Эдик ничем не рисковал. Тем более что люди, приходившие в бар за ключами или адресами, постоянно менялись. До Славина сюда шастал какой-то Хабургаев, до него таджик или узбек, фамилию которого невозможно выговорить, не сломав язык, пару-тройку раз заскакивала симпатичная баба по имени Светлана.

Если менты прижмут бармена, он всегда отопрется. Его дело маленькое: попросили – позвонил, оставили – передал. И вся любовь. В чем тут криминал? За несложные поручения он имел очень приличные деньги. Не позволяя себе никаких излишеств, откладывал каждую копейку, надеясь, что когда-нибудь вырвется из этой душной помойки и откроет свой большой и светлый бар. Пусть не в Москве, на это никаких кишок не хватит. Задушат поборами менты и всякие твари из управы. Он начнет дело у себя на родине, в Пензе. Станет пускать к себе приличных людей с тугими кошельками, а не урлу и ханыг.

– Тебе не пора перезвонить? – спросил Славин.

– Да-да, – Эдик пустил воду, смыл пену и вытер руки. – Уже иду.

Он снова прошел в служебное помещение, постоял пару минут, прижавшись спиной к стене, и вернулся.

– Что-то у них не склеивается, просили еще раз перезвонить, – соврал он, чувствуя, что физиономия окаменела от напряжения. – Черт, всегда так. Минуточку...

Он вышел из-за стойки, подрулил к старому пьянчуге. Сграбастав его за шкуру, поднял на ноги, довел до порога и толкнул в спину. Затем повесил табличку «Закрыто», но не повернул ключ в замке. Опустил жалюзи на окнах и вернулся за стойку.

– Может, пива? – спросил он Славина, но тот отрицательно покачал головой.

Эдик посмотрел на часы и подумал, что полчаса давно прошли.

Несколько дней назад, в это же время, перед закрытием бара, сюда явились трое крепких парней. Они были настроены не слишком дружелюбно, даже агрессивно. Положили на стойку конверт с деньгами и сказали, что с появлением в баре загорелого мужика с татуировкой на пальце нужно позвонить по такому-то номеру. Поначалу Эдик запаниковал, даже попытался что-то соврать, но потом решил, что в его положении спорить не следует, иначе можно нарваться.

– Хорошо-хорошо, – ответил он. – Я все сделаю. Только не надо тыкать пистолетом мне в рыло.

Парни ушли, пообещав заплатить вдвое больше, когда Эдик устроит им встречу со Славиним. И еще пообещали, что никаких конфликтов, тем более крови близко не будет. Надо просто поговорить с человеком, сделать ему деловое предложение или что-то в этом роде.

Ясно, работа барменом на этом месте для Эдика закончена. Остается получить обещанные деньги, купить билет на поезд и отправляться домой. В Москве он не завел ни путной

бабы, ни друзей, здесь его ничего не держит. Он уже собрал в дорогу чемодан и спортивную сумку, но хозяйку квартиры пока не предупредил, что съедет со дня на день.

Прикуривая одну сигарету от другой, Славин беспокойно ерзал на табурете, постукивал кончиками пальцев по стойке. Когда входная дверь приоткрылась и один за другим в бар вошли три парня в спортивных костюмах, он чуть повернул голову, затем посмотрел в лицо Эдика и зло прищурился. Славин был сообразительным мужиком, все понял без слов.

Он спрыгнул с табурета, отскочив в сторону, к сортиру, вытащил из-под полы пиджака пистолет. И трижды выстрелил от бедра. За все про все – две секунды. В ответ ударила короткая автоматная очередь, за ней другая. Снова пальнули из пистолета. Эдик присел на корточки, спрятавшись за стойкой. Он согнул спину, ссутулил плечи, решил, что надо бы лечь на пол. Но не успел, почувствовав удар в бок, под ребро, и резкую боль, скрутившую его пополам. Бармен подумал, что его задели. Наверное, ранение пустяковое, потому что он жив и в сознании... Но почему тогда так много крови? Мир плыл и качался перед глазами.

Стрельба стихла так же неожиданно, как и началась.

Три парня приблизились к стойке, перевернули Славина с живота на спину и обшарили карманы, выудили документы и бумажник. К губе убитого приклеилась тлеющая сигарета. Пепел падал в полуоткрытый рот, наполненный кровью. Один из парней, вытащив из кармана куртки фотоаппарат, сделал несколько снимков, другой подхватил спортивную сумку, оба молодца заспешили к двери. Третий шагнул следом, но вернулся. Он лег животом на стойку, посмотрел на бармена, плавающего в луже крови.

– Помогите, – прошептал Эдик так тихо, что сам себя едва услышал.

– Сейчас, – ответил молодой человек.

Переложив пистолет в правую руку, он дважды выстрелил в голову бармена и направился к выходу.

Глава 4

К ночи поднялся ветер, который не давал заснуть. Зубов беспокойно ворочался, закрывая голову шерстяным одеялом. Но этот ветер, пыль и песок, забивавшие нос, прохладный воздух ночи и жар, тянувшийся от песка, превратили отдых в мучение.

Зубов пребывал в странном забытии, где-то между сном и явью. Сейчас он снова видел жену Надю, они сидели на веранде дачного домика, открывался чудесный вид на дальнюю деревню и солнце, опускавшееся за влажный темно-синий лес. На столе песочный торт, большой стеклянный графин, в воде стоят крупные садовые ромашки и еще какие-то синие цветы, название которых Зубов не мог вспомнить. Но картина засыпавшей природы не грела душу, Зубов отхлебывал из чашки остывший чай, продолжая давно начатый разговор, тягостный и безысходный, который хотелось скорее закончить, но не получалось. Все вопросы уже заданы, все ответы знаешь наперед, но разговор все тянется. И нет ему конца...

– Просто нам надо было завести двух детей. – Зубов прикурил сигарету, но дым оказался слишком едким, табак горчил на губах. – А лучше трех детей. Я жалею, что в свое время...

– Что «в свое время»? – В голосе жены слышится насмешка.

– Один ребенок – это слишком мало. Это потом понимаешь. Когда уже поздно об этом думать.

– Замолчи, – сказала Надя. Ее глаза закрывали темные стекла очков. – Хватит мусолить одни и те же слова. Не хочу больше об этом говорить. И никогда не смей в моем присутствии...

Он подумал, что Надя становится невыносима. Когда-то он любил эту женщину. Наверное, и теперь любит, только не сможет разобраться в себе самом. Сейчас этот союз, само присутствие супруги, тяготит Зубова, кажется, что брак изжил себя, лучшие дни в далеком прошлом, а прошлого не вернешь. Вместо него – лишь горсть пепла в железной урне. А урна стоит в колумбарии кладбища за городской окраиной.

Им с Надей надо расстаться, другого выхода он не видит. Хотя бы на время, на пару месяцев, на полгода. А там все, может быть, сложится иначе, пойдет по-другому... Теперь эта женщина губит его, разрушает изнутри, отнимает последние душевные силы, волю жить дальше. Еще он подумал, что ни одна женщина, самая прекрасная, самая красивая, самая добрая, не стоит того, чтобы жить ради нее. Или умереть ради нее. И Надя этого не стоит.

– Мы все давно закончили. – Надя надевает очки. – Но раз уж ты хочешь подвести черту, некий итог... Тогда тебе вот что скажу: от тебя не надо было заводить и одного ребенка. Вот о чем я жалею каждый день, каждую минуту. Чего не могу себе простить. Что завела от тебя ребенка. Я была душой. Не разглядела, что ты за человек. В одном ты прав – теперь поздно что-то менять.

– Ты винишь меня во всем, но я не виноват. – Зубов чувствует, что говорит он что-то не то и не так. Нужно бы замолчать, но он не может. – Тебе кажется, что я последняя сволочь. Но меня не было рядом.

– Тебя не бывает рядом, когда ты нужен.

– У тебя на все готов ответ...

Надя больше его не слушает, не слышит. Она смотрит на дальний лес, на багровое солнце и чему-то улыбается. Зубов давно не видел, как она улыбается. Надя переводит взгляд на садовые ромашки в графине. Тянется к ним рукой, достает букет и швыряет его через перила веранды, на траву газона. Зубов молча наблюдает за женой. Веко правого глаза подергивается. Надя поднимает тяжелый графин над головой, выливает воду себе на лицо. Очки сползают с носа. Вода стекает по подбородку, льется в вырез сарафана, на плечи...

* * *

Зубов откинул одеяло, сел на землю и сплюнул. В глотке першило от песка и пыли, на губах соль. Он поднял голову: на небе россыпь звезд и луна в желтом прозрачном облаке. Огонь в костре почти погас, Зубов не стал подбрасывать хворост. Накануне вечером, пока не стемнело, удалось собрать запас на пару топок, но с топливом здесь, в степи, проблемы, поэтому нужно экономить каждую ветку.

Место для ночевки выбрано лучшее из того, что можно отыскать: у подножия невысокого холма, с подветренной стороны, подальше от звериных троп. Зубов поежился. Витьке Суханову тепло в его спальнике, а Лена Панова устроилась лучше всех, она отдыхает в двухместной палатке, маленькой, но вполне приличной, спасающей от змей, назойливых насекомых и, главное, от песка и крупинок соли, летящих по воздуху. Наверняка она застегнула «молнию» спального мешка, который Зубов захватил для себя, и во сне снова и снова переживает ужасы прошедшего дня и ночи.

Докурив сигарету, Зубов подумал, что неплохо бы подремать еще немного, до рассвета час с хвостиком. Но вместо того чтобы завернуться в одеяло и закрыть глаза, поднялся на ноги. Взял фонарь, подхватил спутниковый телефон в пластиковом футляре, повесил на одно плечо полупустой рюкзак, на другое зачехленный карабин. И зашагал вверх по пологому склону. Желтый световой круг наткнулся на голый колючий кустарник, норы сусликов и ключья выжженной солнцем травы. Когда до откоса оставалась пара шагов, Зубов остановился, лег животом на землю и приник глазами к окулярам бинокля.

Дорога внизу узкая, как горлышко бутылки, проехать мимо и остаться незамеченным невозможно, в хорошую погоду вся равнина видна из конца в конец. Если на склоне одновременно взорвать закладки тротила, установленные на расстоянии тридцати метров, машины, проезжающие внизу, окажутся под земляными оползнями. И все...

* * *

Солнце еще не поднялось над дальними холмами, но небо быстро наливалось желто-розовым светом. Зубов открыл крышку спутникового телефона, похожего на переносной компьютер, только поменьше, разматал десятиметровую антенну, обмотав ее конец вокруг чахлого кустика. Аппарат работает как часы, для него нет мертвых зон, а слышимость превосходная. Голос Сергея Николаевича Олейника оказался таким близким, будто он прятался в соседнем овраге.

– Не разбудил? – спросил Зубов.

– Какой уж тут сон. Рассказывай.

Вчерашним вечером Зубов беседовал с Олейником, за это время новостей не прибавилось.

– Все по-старому, – ответил он. – Панова и Суханов еще спят. Мы удачно приземлились. Нашли отличное место для самолета, на дне высохшего озера. И выбрали неплохую позицию над дорогой. Все должно склеиться.

– Угу... Но эта девка – как заноза в заднице, – ответил Олейник. – Даже не знаю, что с ней делать. Ведь она увидит такое, чего не должна увидеть. Не знаю, что посоветовать... Ладно, поступай по своему усмотрению. Главное, чтобы она не мешала.

– Я присмотрю за ней, – пообещал Зубов. – Ничего лишнего она не увидит.

– Теперь к делу, – Олейник покашлял в трубку. – Последний раз новости от моего человека поступали восемь часов назад. Новости хорошие. Ждать долго не придется. Сообщили, что наш общий друг вчера выехал из Денау, пообедал в райцентре и продолжил путь. Он

никуда не торопился. Всего две машины. Обе не бронированные. Темный джип «Ленд Ровер» и «Нива». Четверо охранников. Возможно, уже сегодня или завтра состоится ваша встреча. Пока это все, что передал мой информатор. У моего человека спутниковый телефон, небольшой, не то что у тебя. Размером чуть больше мыльницы. Но пользоваться им, когда рядом Батыров и его люди, ясный хрен, нельзя. Возможно, никакой новой информации я вообще не получу.

– Неважно. Мы знаем, что Батыров покинул свое лежбище и движется в нашу сторону, – это главное.

– Наберись терпения и держи дорогу под контролем, – посоветовал Олейник. – Батыров мог остановиться где-то в степи, вдали от населенных пунктов. В сумерках и по ночам он не ездит. Бойся. – Олейник, заволновавшись, забыл об иносказаниях и заговорил открытым текстом: – Постарайся, чтобы никто не ушел живым. Ни одна тварь...

– Как среди людей Батырова я узнаю твоего информатора?

– Об этом не думай, он сам о себе позаботится. Все должно получиться. Как только все закончится, свяжись со мной. А потом отправляйся в этот чертов аул... Как там его? Первомаец. Затаришься авиационным бензином. Заправите самолет и немедленно вылетайте обратно. Не теряйте времени...

– Я все помню. Мы сто раз это перетирали. Счастливо тебе.

– И тебе того же.

Запикали короткие гудки. Зубов смотал антенну, улегся на теплую землю, подложив под голову рюкзак и прикрыв лицо майкой.

* * *

Эта девчонка появилась в жизни Зубова месяца три назад или около того, как с неба спустилась с парашютом. На самом деле она въехала в его жизнь на спортивном двухдверном родстере «БМВ» темно-синего цвета с откидным верхом. Машина остановилась рядом с административным одноэтажным зданием с плоской крышей, стоявшим на краю летного поля, где Зубов коротал время в полном одиночестве. Тачка крутая, совершенно новая, но запущенная, неухоженная, на правом крыле вмятина и пара глубоких царапин.

Из машины вылезла девчонка в светлой курточке и, перепрыгивая лужи, доскакала до двери, рванув ее на себя с такой силой, что колокольчик, болтавшийся на косяке, едва не слетел с крючка. Остановившись на пороге, девица осмотрелась по сторонам, задержав взгляд на многоцветном плакате спортивного двухместного самолета.

– А у вас тут тепло, – сказала она.

Зубов молча кивнул. До полудня, то есть конца его дежурства в частной летной школе «Крылья», оставался час с хвостиком. Вчерашняя газета была прочитана и отправлена в корзину, на письменном столе, заваленном папками со всякой макулатурой, стояла чашка еще теплого кофе с молоком. Положив ноги на стол, Зубов завел за голову ладони, сцепил пальцы и, откинувшись на спинку кресла, постарался расслабить мышцы шеи. Обогреватель с вмонтированным в него вентилятором гонял по комнате воздух, в высокие окна стучал дождь. Временами он затихал, потом принимался лить с новой силой, словно наверстывал упущенное.

Зубов сбросил ноги со стола, отхлебнул кофе и выключил радио. Ничего себе экземплярчик: брючки в обтяжку подчеркивали стройность ног, зеленые глаза, каштановые волосы, кажется, некрашенные. И вздернутый носик, на котором повисла дождевая капля. Забыв предложить девчонке стул, Зубов ломал голову над тем, сколько ей лет: двадцать пять, двадцать или того меньше. Черта с два угадаешь. Впрочем, какая разница, он взрослый серьезный дядька, и детишками не интересуется. И все-таки: сколько ей лет? На плече ремешок дамской сумочки, в правой руке портфель, какие носят конторские клерки, на ногах стоптанные кеды. Не дождав-

пись приглашения, девица упала на стул и, закинув ногу на ногу, смахнула дождевую каплю с носа.

– Вы Леонид Иванович?

Зубов молча кивнул. В глубине души он был рад, что сюда занесло эту девицу. За последние сутки он не видел людей, даже не слышал человеческих голосов, если не считать двух звонков, на которые пришлось ответить. Еще вечером здесь терся механик Матвейч, пьяный настолько, что почти перестал воспринимать человеческую речь. Приятнее вести разговоры с тараканом на кухне, чем с этим хмырем. Гамыра, технический спирт самого паршивого качества, к которому механики имели беспрепятственный доступ, сломал много человеческих судеб. Часа три Матвейч провалялся на диване в соседней комнате, потом молча надел кожанку, натянул фуражку, что-то буркнул на прощание, пошатываясь, ушел в дождливую ночь.

– Меня зовут Лена Панова. И я хочу научиться летать, – выпалила девчонка. – То есть я хочу, чтобы вы научили меня летать.

– Вот как? Интересно, почему именно мне выпала эта высокая честь? – По всегда невозмутимой физиономии Зубова невозможно определить, шутит он или на этот раз серьезен. – Вокруг так много достойных людей. Честно говоря, не ожидал, что мне на плешь свалится такой подарок.

– Говорят, что вы лучший из инструкторов. А я хочу учиться у самого лучшего.

– Предположим, я поверил. Теперь еще вопрос: как вы попали на территорию аэродрома? Это режимный объект, его охраняют...

– Да, я уже видела, как и кто его охраняет. Два мужика в будке на въезде. И один на вышке. Я отдалась им по очереди. И вот я здесь.

– Предположим, я снова поверил. Слушайте, девушка, обычно сюда приходят конкретные мужики, которые уже все испытали в жизни. Особо настойчивые пытаются освоить азы пилотирования. Это удастся немногим. Потому что это черновая кропотливая работа, а люди, как правило, просто ищут острых ощущений. Чаще всего я катаю всяких идиотов на двухместном самолете. До тех пор катаю, пока они не накачиваются адреналином по самые жабры. Оказавшись на земле, эти парни меняют мокрые штанишки на сухие. И, пьяные от собственного мужества, уезжают в город.

– А вы злой.

– Надо же кому-то быть злым, когда все вокруг такие добрые, – усмехнулся Зубов. – Вроде вас. Поэтому предлагаю вам один вариант: в награду за настойчивость беру вас на борт. И мы летаем до тех пор, пока вы не срываете голос от собственного визга. А, как вам? Хорошее предложение.

– Не очень. – Лена упрямо покачала головой.

– Я выключу двигатель на высоте две с половиной тысячи метров. И вы узнаете, что такое свободное падение с огромной высоты. Мы пролетим над тем лесом так низко, что самолет коснется брюхом верхушек деревьев. А потом разгонимся до такой скорости, что вас со страшной силой вдавит в кресло. Если к тому времени вы еще не лишитесь чувств или мы не разобьемся, можно придумать что-нибудь повеселее. Годится?

– Полный торчок и отпад. Мне очень нравится скорость. То есть это моя стихия...

– Вот вы и попались на слове. Есть такой медицинский термин «скоростная болезнь». – Зубову захотелось испортить настроение этой самоуверенной девчонке. – Водитель навороченной тачки или пилот самолета, летящего на бреющем полете, развивая приличную скорость, начинает испытывать неземное наслаждение, эйфорию. Как следствие – перестает отдавать себе отчет в происходящем и контролировать свои действия. И это кончается плохо, совсем плохо. Для пилота, для машины, для всех окружающих. Ваш случай – это из области психиатрии.

– Неужели?

– Абсолютно точно, – мрачно кивнул Зубов. – И к бабке не ходи. Это медицинский диагноз. Сначала запишитесь на прием к психиатру. Но скажу сразу: с этой болезнью к полетам не допускают. Вы опасны для окружающих.

– Справки от врачей здесь. – Лена похлопала ладошкой по кожаному портфелю. – Я абсолютно здорова. Я хочу научиться летать. И сделаю это. С вашей помощью или без нее.

– Попробуйте, – усмехнулся Зубов. – У нас хорошие инструкторы. С ними даже не придется трахаться. Просто внесете в кассу деньги, пройдете курс теоретической подготовки и так далее.

– Почему вы не хотите поработать со мной? Хотя бы попробовать. Я ведь не фантиками буду платить.

– У меня три постоянных клиента, – ответил Зубов. – У каждого из них собственный самолет и куча денег. И еще у них есть талант и ослиное упорство. И вообще: они настоящие фанатики, просто прирожденные пилоты. Поэтому на жизнь мне хватает, даже остается на черный день. А свободного времени – в обрез. У меня полно обязанностей, как у всякого служащего этой шарашки. Дежурства, инструктажи... Набор учеников я давно закончил, иногда меня просят взять еще кого-нибудь. За очень большие деньги. Но я всегда говорю «нет». Кроме того, с женщинами я не работаю.

– Но у меня тоже есть талант, есть упорство. И деньги.

– Мой совет: выбросите из головы самолеты. Раз уж вам нравится скорость, попробуйте себя в другой области. – Зубов глотнул кофе, кивнул на мощный родстер, мокший под дождем. – Например, сейчас люди с деньгами сдвинулись на гонках. Закажите настоящую раллийную тачку со всеми пирогами. Узнайте, что такое неуправляемый занос, «полицейский разворот»... Вам понравится. А самолет... Путь до штурвала самолета слишком долог, скучен. Требуется куча бумаг, разрешений, справок. Короче, это вам не автомобильные права у ментов купить.

– Значит, мне не повезло? – Из зеленых глаза девушки сделались темно-серыми.

– Наоборот. Вы поговорили со мной и получили ответы на все вопросы. Могу предложить кофе. Растворимый.

– Годится.

Зубов поднялся из-за стола, отошел в угол, где на старом письменном столе стоял электрочайник, банка с дешевым кофе и пакет с сухими сливками. Через десять минут он выдал гостье кучу бланков, которые нужно заполнить для вступления в клуб «Крылья», номер банковского счета, на который следует перевести вступительный взнос, и уже хотел выпустить гостью за дверь, под дождь, но неожиданно для самого себя спросил:

– Подождите. Я так и не понял: зачем вам это припеклось? Ну, самолеты и все такое.

– Летать – это моя мечта, – коротко ответила Лена. – Единственная. У вас ведь наверняка есть своя мечта.

– Была, – рассеянно кивнул Зубов. – Когда-то давно.

Он открыл ящик стола, вытащил брошюру, протянул ее гостье.

– Тут кое-какие материалы о любительской авиации, – сказал он. – Начинающим дояркам выдают что-то вроде этого. Чтобы знали, что такое корова, как к ней подступиться, чтобы она не боднула, когда дергаете за сиськи. Тут то же самое. Только про самолеты. Сколько у них крыльев, как они летают и все такое. Даже картинки есть.

Лена перевернула несколько страниц и бросила книжицу на стол.

– Сколько крыльев у самолета, я смутно догадываюсь. О самолетах я прочитала все, что у нас выходило. А к врачу обратитесь сами.

Она повертела пальцем у виска и ушла, оставив после себя запах цветочных духов. Через стекло Зубов видел, как девчонка села в свою шикарную тачку и рванула с места. Панова пока-

тила к воротам, раздумывая, по какой причине Зубов много выделяется и врет как сивый мерин: якобы у него богатые и талантливые клиенты, нет проблем с деньгами, он занят по горло и все такое. Панова уже наводила справки. Зубов живет очень скромно, каждый рубль считает. С женой он в разводе, или до формальностей дело не дошло, но брак на грани распада – это точно. Супруга собирается смотаться неизвестно куда, лишь бы подальше от бывшего мужа, ей тесно с Зубовым в одном городе. Вот до чего довел женщину.

По себе Панова знала, что развод – дело хлопотное и затратное, по крайней мере, для мужчины. В такой ситуации приработок ему бы не помешал. А учеников Зубов мог бы взять косой десяток. Но не берет. В чем же проблема? По всему видать – он просто болезненно ленивый субъект, работой себя не изнуряет, ему приятнее целыми днями просиживать кресло и смолить сигареты. К тому же редкий зануда. Его постоянные ученики – бизнесмены, никакие они не фанатики и не прирожденные пилоты. Просто увальни с деньгами, не обремененные талантами и мечтой о высоких полетах, они заглядывают на аэродром не так уж часто, когда выпадает свободное время и желание испытать острые ощущения. Тогда с какой целью врал этот хмырь? Странно все это...

А Зубов решил про себя, что эта Панова просто взбалмошная дочка богатых родителей, которые потеряли счет деньгам. Она здесь больше не появится. И ошибся. В течение лета он встречал Панову в ангарах, в тренажерном зале, на взлетной полосе. Инструктор Вася Анисимов, который начал работать с ней, сказал, что девчонка очень способная, подает надежды. И еще она чертовски упрямая. Уже вызубрила Воздушный кодекс, наставления по правилам полетов, перелопатила кучу технической литературы. Несколько раз она летала с Анисимовым на «Як-18 Т», сидя в кресле второго пилота, дублировала и фиксировала действия инструктора.

Последний раз Зубов видел Лену неделю назад, когда она, облаченная в комбинезон, залезла в кабину тренировочного самолета. «Да, возможно, Анисимов прав. Из нее со временем что-то получится», – подумал тогда Зубов и через минуту забыл о существовании Пановой.

* * *

Когда солнце поднялось выше, Зубов вернулся к месту ночевки, и обнаружил в лагере признаки жизни. Суханов вскипятил кофе в котелке и, обжигаясь, прихлебывал свое варево из железной кружки. Панова, не отказавшаяся от угощения, тоже пила кофе, всем своим видом показывая, как омерзительна ей этот напиток и общество придурка Суханова.

– Как спалось? – Зубов присел поближе к огню и налил себе кофе из котелка.

Панова поставила кружку на песок, сделав вид, что не расслышала вопроса.

– Не хватало кондиционера, пружинного матраса и шелкового белья, – ответил за нее Суханов. – А так ничего. Цикады поют, змеи шуршат и все такое. Одним словом – романтика.

– Солнце скоро поднимется над холмом, и сидеть здесь станет невыносимо, – сказал Зубов. – Поэтому мы с Леной вернемся к самолету. А ты, Витя, начинай делать закладки. И наблюдай за дорогой. Видимость хорошая, две тачки на дороге ты заметишь километров за пять-семь. Скорее всего, они появятся к вечеру.

– Все понял, командир. – Суханов покосился на ящики взрывчатки в брезентовых чехлах и сумку с кабелем и детонаторами. – Я быстро управлюсь.

Допив кофе, Зубов подхватил карабин и рюкзак, через плечо глянул на Панову и бросил:

– Пошли со мной.

Лена поднялась и молча двинулась следом. Через полчаса Зубов развалился в тени плоскости крыла и стал слюнявить замусоленный журнал с картинками. Рядом с собой на видном месте положил карабин. Пановой не сиделось. Она побродила по дну пересохшего озера, не решаясь далеко отходить от самолета.

Кристаллики соли хрустели под ногами, слепили глаза, сверкая под солнцем, словно ледяной наст. Носком башмака Лена нацарапала пару нецензурных слов и, вернувшись к самолету, залезла на крыло и забралась в кабину. Распахнув верхний люк, устроилась на заднем сиденье. Она нашла в кабине книжку с оторванной обложкой и какое-то время пыталась сосредоточиться на чтении. Что-то вроде детектива. Лена долго не усидела, в кабине было слишком жарко и душно, да и чтиво неинтересное. Спрыгнула на землю, уселась рядом с Зубовым, глянула на летчика решительно и твердо и начала разговор, к которому готовилась еще со вчерашнего вечера.

– Не знаю, что вы тут собираетесь делать, – сказала Панова. – Не прошлогодние цветочки собирать – уж это точно. Но прошу об одном – не ввязывайте меня в свои грязные дела. Отпустите с богом. Я дойду до ближайшего населенного пункта, оттуда меня подвезут в какой-нибудь поселок или город, где есть железная дорога или аэропорт. Обещаю, что ни одна живая душа не узнает об этом приключении. Никто и никогда. Впрочем, для вас все это не будет иметь решительно никакого значения. К тому времени, когда я доберусь до людей, вы успеете сделать все, зачем сюда прилетели. И благополучно смотаетесь. Мы разойдемся, как... Вы меня не знаете, я не знаю вас. И до свидания.

– Скажите, почему я должен отпустить вас на все четыре? – Зубов свернул журнал трубочкой и посмотрел на Панову без всякого интереса, как на пустое место. Видимо, этот отсутствующий взгляд он вырабатывал долго и, надо отдать должное его терпению, достиг определенных успехов. – Назовите хотя бы одну причину?

– Человеческое милосердие – вот причина. В вашей душе осталась хотя бы крупица жалости к людям?

– Крупица, возможно, осталась, – кивнул Зубов. – Именно поэтому я вас никуда не отпущу. Мы выполним нашу работу. Затем достанем горячее для самолета. И улетим. Вам придется потерпеть всего два-три дня. Не бог весть какие неудобства. А потом мы доставим вас на аэродром тем же маршрутом. Оттуда вы сразу можете отправиться в милицию и заявить на нас. Похищение человека, ля-ля три рубля... Не знаю уж, чего вы там напишете. Только это напрасный труд. Никто вам не поверит. И концов искать не станут. Все случилось далеко, за морем, в другом государстве. На пустынной территории площадью в десятки тысяч квадратных километров. А если кто и почешется, вряд ли тут что найдет. Ваше слово против моего слова. А я скажу, что вы заснули в кабине пилота на заднем сиденье. Накурились какой-то дрянью или выпили лишку. И спали под горой тряпья. Проснулись, когда мы вылетели после заправки из Волгограда. Как вам такая история?

– Полное дерьмо.

– Согласен. Но проверить трудно. А Суханов подтвердит, что так оно и было.

– Вы – чудовище, просто монстр. А как вы объясните исчезновение самолета? Это не семечки.

– Совершили вынужденную посадку в астраханских степях. Вокруг ни людей, ни собак. Помощи ждать неоткуда. Связь выведена из строя. Барахлит мотор. Устранили поломку собственными силами и полетели дальше. Не слишком убедительно, но ничего лучшего я пока не придумал. Конечно, будет большой скандал, из летной школы меня попрут. Возможно, я больше никогда не поднимусь в небо. Но к этим жертвам я готов.

– Но я не хочу здесь находиться. – Лена потрясла сжатым кулаком. – Не хочу принимать участие в мокрухе. А вы планируете убийство. Я слышала. Не знаю уж, кого вы собрались грохнуть. Наверняка хорошего честного человека. Из корыстных соображений. За большие деньги. Но я не хочу и не стану при этом присутствовать. Умоляю, дайте мне возможность уйти.

Глава 5

Вместо ответа Зубов вытащил из карабина обойму с патронами, сунул ее в карман куртки, залез в кабину самолета, пошуровал там минуту. И вернулся с потертым планшетом из свиной кожи. Разложив военную карту, прижал к земле камешками ее края, чтобы не сдуло ветром.

– Мы находимся вот здесь, – он ткнул пальцем в бумагу. – Вокруг невысокие холмы, за ними начинается выжженная степь, пустынные районы, где не живут люди. Нормальному человеку здесь делать нечего. Карта выпущена десять лет назад, некоторые населенные пункты, кишлаки и аулы, которые здесь обозначены, на самом деле уже не существуют. Ушла вода, а вместе с водой ушли и люди. Понимаете?

– Понимаю, хорошо понимаю. Что вы пудрите мне мозги. Вешаете лапшу. И втираете фуфло.

– Тогда дослушайте, я все объясню доходчиво.

Зубов лег боком на землю, подложив одну руку под голову, другой рукой показывал место на карте и объяснял, что это. Итак, они находятся на северо-западе Узбекистана. Тут красные пунктирные линии – это караванные тропы, а не автострады. Единственная грунтовая дорога, которая проходит внизу под холмами, обрывается через десять километров. Что дальше – неизвестно. На карте никаких обозначений. Если взять строго на север, через шестьдесят-семьдесят километров выйдешь к Аральскому морю. Если пойти на восток или на запад – впереди только степь и пустыня. Места там безводные и дикие. Плотность населения тут и в лучшие времена не превышала одного человека на десять квадратных километров. А теперь, может статься, человека и на сотне верст не окажется.

Самое разумное – двинуть на северо-восток, в места, где есть оазисы, где живут люди. Если повезет, можно выйти к вот этому кишлаку Айопдек, который в двадцати пяти верстах от того места, где они находятся. Оттуда за деньги можно добраться еще до одного населенного пункта, покрупнее. А там уж остается надеяться на бога и случай. Если Панова решится уйти, Зубов даст ей три литра воды, больше выделить не может, они с Сухановым не брали ничего лишнего, даже воду. Даст консервы, спички и пистолет. Идти придется ночью, ориентируясь по компасу и звездам. Днем при палящем солнце долго не прошагаешь, надо будет отдыхать, завернувшись в спальник. Скорость путника по пустыне примерно два километра в час. Если все пойдет как по маслу, в чем лично он очень сомневается, путь займет всего два-три ночных перехода.

Но есть проблема. В этих местах месторождения металлов, слишком бедные для промышленной разработки. Поэтому компас иногда выделяет такие трюки, что положиться на него нельзя. Если Панова собьется с курса на один градус, она проскочит кишлак, того не заметив. И пойдет дальше, не имея шансов на удачу. Ориентироваться по звездам с точностью до градуса – это проблема даже для профессиональных путешественников или кочевников. Короче, шансов выбраться живой не так уж много. Вокруг полно змей, попадаются степные волки.

И еще: народ тут не то чтобы уж совсем дикий, разный народ. Есть таджики, говорящие на иранском языке, арабы, среднеазиатские цыгане. Они не слишком образованы и плевать хотели на нашу мораль и нравственные законы. То есть об этих законах и морали краем уха кто-то когда-то слышал. Но давно забыл, что слышал и когда.

Изредка встречаются кочевники, пастухи, но эти уходят отсюда с наступлением осени, тут болтается всякое безлошадное отребье, которому некуда податься. И к женщинам, особенно русским, относятся не лучше, чем к собакам. Можно встретить сволочей, которые живут тем, что тайными тропами перевозят героин из Афганистана и Таджикистана через границу

с Казахстаном. И дальше к побережью Каспия. В Россию уже морем дурь доставляют другие персонажи. Можно столкнуться с парнями, которые сделают из Пановой общественную жену, а потом, когда она им надоест, просто перережут ей глотку. Общественная жена в их понимании грязное существо, удовлетворяющее низменные потребности мужчин. Словом, пускаться в это путешествие нет резона.

* * *

– Откуда столь обширные познания? – Панова выглядела подавленной. – Значит, вы тут уже бывали?

– Где я только не бывал, – ушел от прямого ответа Зубов и добавил: – Голод тут – частый гость. Если какой-нибудь местный паренек сильно проголодается, он жрет собственное дерьмо. Или мать поджарит на вертеле. А мягкая белая девушка – это гораздо вкуснее жилистой старухи. И еще: погода тут переменчивая. В этой чертовой дыре никогда не поймешь, станет ли к полудню жарко, как в аду, или выпадет снег.

– А чего это по степи стали бродить всякие отморозки? И заниматься бандитизмом?

– Вы в газете работаете, должны знать.

– Я работаю в отделе светской хроники. И занимаюсь только своим делом. Остальное меня не колышет.

– Теперь уже колышет, – поправил Зубов. – Тут на юге республики и в соседней Киргизии что-то вроде народных волнений. Я сам знаю не так уж много – только то, что болтали по радио. Кто-то кого-то пострелял. В нескольких городах сожгли административные здания и разграбили магазины. Освободили эков из тюрем и изоляторов временного содержания. В том числе бандитов, убийц и насильников. Потом спохватились, но поздно. Эти ребята разбежались кто куда. Тейпы, кланы делят между собой власть, плодородную землю и воду. А вода и земля тут дороже денег. В газетах это дерьмо называют революцией и борьбой народа за демократию. Короче: время беспокойное. Я не нагоняю страха, но лучше бы вам остаться.

– Сама решу, что для меня лучше.

– Кстати, документы при вас?

– Российский паспорт.

– А деньги?

– Есть немного.

– Паспорт спрячьте подальше. И никому его не показывайте. А вот деньги берегите. Они могут пригодиться, если у вас их не отнимут. Ну, до того момента, когда они понадобятся. С пистолетом умеете обращаться?

– Стреляла в тире. С близкого расстояния не промахнусь.

Панова достала мятую пачку сигарет. Она смотрела на карту, словно в свое будущее, и это будущее ей не слишком нравилось. И картины перед глазами стояли мрачные.

– Оставайтесь, – посоветовал Зубов. – Так будет лучше.

– А что случится со мной, если ваш план развалится? Люди, которых вы ждете, останутся живы. И прикончат вас? Ну, что тогда?

– Тогда я вам не завидую, – честно ответил Зубов.

– Черт бы вас побрал, только не пугайте меня, – сказала Панова. – Я пуганая. Бывала в местах и похуже этих. И мужиков встречала покруче вас.

– Приятно, что у вас за плечами богатый жизненный опыт, – усмехнулся Зубов. – Значит, я вас не убедил? Вы все-таки уйдете?

– Обязательно, и темноты дожидаться не стану. Я не хочу становиться свидетелем убийства. Точнее, соучастником. Если бы вы знали, насколько мне все это противно. Тьфу.

– Что ж, как знаете... Это ваше решение.

– Последняя просьба...

Панова поморщилась. Просить Зубова ни о чем не хотелось, но иначе нельзя. Кровь из носа надо позвонить на работу, в газете порядки строгие, а на место Пановой метит одна баба по фамилии Коробкова, любовница одного очень большого человека. Пока она всего лишь корреспондент, пешка, не обремененная талантами. К тому же совершенно безграмотная. В слове «корова» сделает две ошибки. Но с ее звериной хваткой, неумным аппетитом и умением терпеливо дожидаться подходящего момента есть все шансы пройти в ферзи. Любовник замолвит за нее словечко, да и сама Коробкова переспит с кем угодно, хоть с главным редактором, хоть с помощником верстальщика, лишь бы своего добиться.

А тут такой шанс выпал: заведующая отделом светской хроники без объяснения причин, даже без звонка, просто не выходит на работу. Подставляет своих подчиненных, всю газету. Из этого можно такое кадило раздуть, тошно станет.

Панова не сильна в подковерной борьбе, у нее нет любовника с огромными связями и деньгами. А с приходом нового хозяина газеты все осложнилось. Положение у нее пока прочное, она журналист с именем. Но на памяти Лены из-за пустяка со службы вылетали и не такие именитые. Надо обязательно дозвониться шеф-редактору, объясниться, сказать, мол, заболела или придумать что-то поубедительнее... Это не важно. Главное – поговорить и отпроситься... Ясно, выбраться отсюда не так просто, придется очень долго идти, а потом доехать до аэропорта на попутках или автобусе.

Но все проблемы решают деньги, а деньги у нее есть. И не только рубли. За подкладкой сумки восемьсот баксов. Этого хватит, чтобы избежать формальностей и проволочек при оформлении авиабилета. Ей нужно немного времени. Максимум через три дня она будет в Москве. И постарается забыть обо всех злоключениях.

– Я видела у вас спутниковый телефон, – сказала Панова. – Мне нужно позвонить. Не беспокойтесь. Позвонить не в милицию и не в ФСБ. Всего лишь на работу. Завтра я дежурю по номеру. Если не появлюсь, не отпросившись, меня просто турнут со службы. Сейчас запарка, корреспонденты не вышли из отпусков. И заведующая отделом вдруг... Как бы это сказать... Загуляла.

– Без проблем, – кивнул Зубов. – Я сам двумя руками за служебную дисциплину. Но если вы скажете одно лишнее слово, только одно... Я оборву разговор.

– А я подумала, за одно лишнее слово вы пристрелите меня из своего поганого ружья.

* * *

Время медленно приближалось к обеду, желудок Девяткина, не проглотившего с утра ни крошки, глухо урчал, требуя пищи. Но обедом в квартире не пахло. Зато в воздухе витал запах нафталина и какой-то аптечной дряни.

Маргарита Николаевна, младшая сестра покойной поэтессы Волгиной, расположившись за круглым столом у окна, сосредоточенно работала. Грызла кончик шариковой ручки, морщила лоб, делала очередную запись на листке бумаги. И, уставившись в потолок, долго сидела с открытым ртом, вспоминая, какие именно ценные вещи исчезли из квартиры старшей сестры. Девяткину оставалось только наблюдать за этими манипуляциями и время от времени, чтобы не заснуть, задавать очередной уточняющий вопрос.

– Вот вы пишете, что у Ирины Николаевны хранились две пары мужских часов, золотые «луковицы» фирмы «Мозер», предположительно тысяча девятьсот десятого года выпуска, – он потыкал пальцем в первую исписанную страничку. – Это что, абсолютно одинаковые часы?

– Не совсем, – Маргарита Николаевна сняла очки и потерла пальцами тонкий породистый нос. – Один экземпляр выпущен в простом оформлении. Часы с двумя крышечками. Внешняя крышка с фирменным вензелем. Внутренняя крышка гладкая. А внешняя крышка

других часов украшена драгоценными камнями. Эти часы – штучный товар, они занесены в специальные каталоги. Но их цену, даже приблизительную, я не назову.

– Этого не требуется. Надо дописать, какие различия были между часами. И что за камни на крышке. И вот еще: тут указано, что в сережках белого золота бриллианты по два с половиной карата. Хорошо бы указать, какая у камней огранка.

– «Розочка», разумеется, – сказала Волгина-младшая. – В старину ювелиры использовали эту огранку. Другой, по-моему, и не было.

– Вот и напишите – «розочкой».

Девяткин вернул хозяйке листок и стал смотреть в окно. В этой квартире уже появлялся дознаватель, составивший перечень пропавших ценностей, но сработал он халтурно. В составленном поминальнике не были описаны приметы ценностей, внешний вид, качество и вес пропавших камушков. Девяткину пришлось самому заняться этой рутинной, хотя в ювелирных делах он разбирался поверхностно. Слава богу, у Волгиной оказалась цепкая память. Обида занозой засела в ее сердце на всю жизнь: лучшие ювелирные изделия, настоящие произведения искусства, получила по наследству старшая сестра, которая никогда не носила даже скромные сережки, даже колечко из самоварного золота. А младшей сестре досталось что похуже. Почему так? В подробности Волгина не вдавалась, а Девяткин решил, что маленькие семейные тайны к его делу не относятся.

Пару раз в комнату входил высокий старик, он держал спину прямо, пояс теплого, простроченного золотой ниткой халата туго затянут на животе. Антон Андреевич, доктор медицинских наук и член всех известных академий мира, исподлобья смотрел на Девяткина, попусту отнимавшего время у его супруги, хмурился и сердито стучал по полу резиновым наконечником палки. Его лысый шишковатый череп блестел, на щеках играл румянец, на скулах перекатывались желваки. Старик был настолько похож на одного известного вора в законе по фамилии Кирсанов, что Девяткин боролся с желанием встать, заковать профессора в наручники и пару раз съездить кулаком по его умной башке. Но того вора еще три месяца назад приговорили на сходняке его же коллеги. Еще живого Кирсана затолкали в двухсотлитровую бочку и залили жидким бетоном.

– Муж волнуется, что вы втягиваете меня в это дело, – вздыхала Волгина. – Говорит, что убийцу все равно не найдете. И ценности тоже. Только нервы истреплете.

– Лично я вас никуда не втягиваю, – отвечал Девяткин. – Вы исполняете гражданский долг. А у вашего супруга случайно брата нет? Один мой знакомый очень на него похож.

– Только сестра. Она давно скончалась.

Девяткин уже не слушал Волгину, он думал о другом.

С утра довелось побывать на аэродроме, где Панову видели последний раз. Родстер «БМВ» жарился под солнечными лучами на служебной стоянке с внешней стороны забора. Майор побеседовал с председателем клуба «Крылья», руководителем полетов и начальником диспетчерской службы. Панову не видели нигде, она как сквозь землю провалилась или на небо взлетела. Но, как ни крути, выходило, что субботним вечером от полосы аэродрома оторвался только один самолет, «Тобаго», борт ТМ-57, совершавший тренировочный полет. За штурвалом опытный летчик Леонид Зубов. Больше в машине никого не было.

* * *

Самое любопытное началось следующим утром, когда «Тобаго», заправившись в Волгограде, вылетел обратно в Москву. И пропал с экранов радаров. Сигналов бедствия самолет не посылал, установить его точное местонахождение пока не представляется возможным. По мнению руководителя полетов, птичка совершила вынужденную посадку где-то в степи. Это

произошло приблизительно в восемь утра, в воскресенье, то есть еще вчера. Однако активные поиски борта еще не начаты до сих пор.

«Пока волноваться не следует», – завершил свой рассказ руководитель полетов Прохоренков и тяжело вздохнул. Он отвел в сторону взгляд, не хотелось, чтобы этот мент видел его красные глаза. Прохоренков не спал ни часа и осип, переругиваясь с наземной службой волгоградского аэродрома. Девяткин кивнул, решив, что волноваться надо было еще вчера, когда потеряли борт, а сегодня самое время махнуть двести за помин души летчика Зубова. И Лены Пановой, которая, весьма вероятно, находилась вместе с ним в кабине. Возможно, старый воздушный волк решил показать высший пилотаж, повыделываться перед девчонкой, заложил мертвую петлю или штопор, из которого не смог вывести машину. Поэтому даже сигнала SOS не успел передать. «Тобаго» рухнул на землю и сгорел за четверть часа.

В аэроклубе «Крылья» Девяткин столкнулся с инструктором Васей Анисимовым, с этим парнем Панова должна была встретиться здесь, на этом самом месте, субботним вечером. Но Анисимов, по его словам, не дождался женщины. В записке написал, что еще вернется, но не вернулся и книжки не оставил, забыл. При осмотре комнаты отдыха аэроклуба, между подушками кожаного дивана, обнаружили редакционное удостоверение Пановой и шариковую ручку с логотипом газеты, где она работает. То бишь работала, поправил себя Девяткин. Теперь об этой женщине уместно говорить в прошедшем времени.

Удостоверение и ручка... На такие сюрпризы Девяткин не рассчитывал. Документ Панова показала охране, уходя со службы субботним вечером. М-да, это наводит на размышление... Точнее, выводы, неоспоримые и однозначные, напрашиваются сами. Перед полетом Зубов с Пановой покувыркались на этом диване, только потом залезли в кабину легкого самолета. Плотская любовь, ночной полет, близкие звезды и все такое. А этот Зубов, надо отдать ему должное, конченный романтик. То есть был романтиком.

«Заприте комнату отдыха, – сказал Девяткин начальнику летной школы Сазонову. – Сегодня приедут эксперты-криминалисты, осмотрят помещение. Может, чего еще найдут». – «А чего тут искать? – Сазонов вытирал со лба пот, катившийся градом. – Господи... Все на виду. Диван, стулья». – «Может быть, они пятна найдут», – пояснил Девяткин. «Какие еще пятна?» – Глаза Сазонова остекленели от напряжения, он подумал, что после этого ЧП в начальственном кресле ему не усидеть.

«Пятна крови или спермы», – раздраженно ответил Девяткин и заспешил к выходу. Шагая к воротам, он думал, что этот Сазонов уже намочил тряпку и затирает пятна на кожаном диване. С девчонками не один покойный Зубов любил развлекаться. И Сазонов, как пить дать, специалист по этой части – сразу видно.

* * *

– Теперь, кажется, все. – Волгина-младшая протянула майору третий исписанный листок. – Возможно, я что-то запамятовала. Но это так... Мелочи.

– Больше никаких фактов, относящихся к делу, не вспомнили?

– Моя сестра говорила, что к ней захаживает одна молодая женщина. Они вместе разбирают ее архивы. Имени женщины она не называла. Моя сестра была странным человеком. Вся в себе. Возможно, эта молодая особа имеет отношение к убийству. Поспрашивайте соседей.

– Я как раз этим и собираюсь заняться, – соврал Девяткин. – А почему ваша сестра не продала хотя бы часть драгоценностей? Она ведь очень трудно жила.

– Теперь у нее об этом не спросишь, – Волгина скорбно поджала губы. – Видно, для своего убийцы берегла.

Девяткин поблагодарил женщину, в прихожей натянул ботинки и хотел пожать руку профессору, но тот так сердито застучал палкой, что захотелось поскорее смыться. Девяткин шагал

через двор, ощущая урчание в желудке, и думал, что надо бы ему жениться, и поскорее. Хотя бы на той бабе, которая стоит на раздаче в милицейской столовой. Вся из себя такая шустрая и вообще... Есть за что подержаться.

Да, это будет брак по расчету. Оформив отношения, Юрий Иванович не наживет себе язву желудка. И, если повезет, улучшит жилищные условия, переберется из убогой холостяцкой однушки в приличную квартиру, где окна выходят не на унылый корпус туберкулезного диспансера, а в сквер, где летом благоухает цветочная клумба. Через полчаса он пообедал в кафе и выбросил из головы вздорную затею с женитьбой. Сейчас это не ко времени, да и кандидатура раздатчицы из столовой больше не будоражила воображение. Он сел за руль служебной машины и отправился в ювелирную скупку «Агат», хозяин которой на безвозмездной основе консультировал милиционеров на предмет оценочной стоимости похищенных или найденных драгоценностей, а заодно уж сливал правоохранительным органам кое-какую информацию. Не мешает прикинуть цену золотых безделушек и камушков, пропавших из квартиры Волгиной.

Добравшись до места, Девяткин выключил мотор и, вытащив из кармана записную книжку, сделал пометку для памяти: «Заскочить к С. Н. Олейнику». Этому типу, владельцу фирмы контейнерных и грузовых перевозок «Вектор», принадлежит пропавший самолет «Тобаго». Олейник – член аэроклуба «Крылья» и давний приятель летчика Зубова. Авось скажет что-то дельное. Впрочем, сегодня к нему не успеть. Как-никак большой человек. Просто так, распахнув дверь ударом ботинка, в его кабинет не завалишься. С таким гусем о встрече надо договариваться заранее.

* * *

День клонился к вечеру, солнце задело край дальнего холма, южный ветер, дувший весь день и притащивший с собой удушающую жару, немного стих. Столб дыма, выросший на горизонте еще утром, сделался немного светлее. Он поднимался почти вертикально, таял в вышине, застилая ранние блеклые звезды. Горело где-то не слишком далеко, километрах в пятнадцати-двадцати отсюда, судя по карте, там нет никаких поселков. Но какая вера старой карте?

Зубов и Суханов, наблюдавшие за дорогой, готовились оставить позицию и спуститься к месту ночевки, как только стемнеет. Истекли вторые сутки, но машины не появлялись. Зубов сказал себе, что не надо ждать от жизни многого, когда она ничего не обещает. Не повезло сегодня, значит, фарт покатит завтра.

Заброшенная дорога, проходившая внизу, по-прежнему была пуста. Если не считать двух бродяг, которые прошли по ней еще утром. В шесть вечера впервые за последние сутки пропылила арба. Худой лошак, которого погонял мужик в полосатом халате, едва тянул повозку с колесами от мотоцикла. На деревянном настиле три тюка с барахлом, завязанным в простыни, заступ и тело женщины, завернутое в плюшевую скатерть с кистями. Зубов хорошо разглядел возницу с закопченной перепачканной сажей физиономией. И увидел лицо женщины: нижняя часть лица, скулы и подбородок, обмотана белой тряпкой, сквозь ткань проступали бурые пятна засохшей крови. Арбу трясло, скатерть распахнулась, стало видно полосатое платье, разорванное на животе, икры ног, посиневшие, но как-то неровно, полосками. Будто при жизни женщину исходили кнутом или вожжами.

– Мать их, что же тут происходит? – процедил сквозь зубы Суханов. – Прилетели в каменный век. А тут то ли война, то ли что похуже.

Едва слышно бухтел транзисторный приемник, настроенный на Москву. В часовых сводках новостей Узбекистан иногда поминали, по словам диктора, уличные беспорядки продолжают на самом юге, где-то у границы с Киргизией, за многие сотни километров отсюда. В города и поселки, охваченные беспорядками, стянуты армейские части и милиция, которым

уже удалось взять ситуацию под контроль. В остальных районах республики, если верить новостям, все тихо и спокойно.

– Что бы ни происходило, к нам это не имеет отношения, – тихо ответил Зубов. Он заметил, что возница плачет, размазывая слезы рукавом халата. – Меня заботит только одно: где пропали машины, где Фарад Батыров. Остальное – семечки.

Повозка встала у поворота дороги, пыль осела. Узбек спрыгнул на землю, взял лошака под уздцы и, обходя овраги, повел его в степь. Мужчина шел и шел вперед, будто что-то потерял на этой голой земле и теперь пытается найти. Суханов запоздало сообразил, что солнце садится, по местным обычаям, до наступления темноты полагается выкопать могилу и похоронить тело то ли жены, то ли дочери. Прикинув к окулярам бинокля, Суханов наблюдал, как мужик распряг лошака. Сбросив халат, узбек остался в майке, давно потерявшей свой первоначальный цвет, и кальсонах. Он вытащил заступ, поплевал на ладони и принялся за работу.

Зубов подключил батарею к спутниковому телефону, размотал провод антенны. Через минуту услышал голос Олейника.

– Значит, никаких новостей? – переспросил тот. – Одно другого не лучше. Я рассчитывал, что вы все закончите еще к вчерашнему вечеру. А этот таракан еще даже не приполз. Ладно, остается только ждать. От моего человека никаких вестей. Степь широка, но мимо вас он не проедет – это уж точно. Иначе придется дать крюк километров в пятьдесят, чтобы объехать холмы, а то и больше.

– Нас ищут? – спросил Зубов.

– Разумеется. Раз пять разговаривал с Сазоновым из аэроклуба. Все на ушах стоят, предполагают, что самолет потерпел аварию где-то в волгоградских степях. Но точное место установить не могут. Уже подключили к поискам тамошние службы. Военных и спасателей. Даже подняли в воздух вертолет.

– Ищут, – вздохнул Зубов. – Иначе и быть не могло. Сколько времени тут потеряли. Третьи сутки начинаются...

– Но это полбеды, – продолжил Олейник. – В диспетчерскую службу аэродрома, а потом и в аэроклуб сегодня приехал мент. Майор из МУРа по фамилии Девяткин. Искал он не тебя. А эту долбаную девку.

– С чего это вдруг?

– Каким-то макарон мент узнал, что Панова оказалась с тобой в одном самолете. Эта коза оставила свою тачку на служебной стоянке у аэродрома. Что натворила девчонка, почему ею заинтересовалась милиция, даже предположить не могу. Но наверняка тут что-то серьезное. Мент из убойного отдела не станет заниматься всякой лажей. Следом за Девяткиным на аэродром приехали криминалисты и парочка дознавателей, сняли показания с Сазонова и прочих. Кто на глаза попался. Обыскали помещение клуба. Эта Панова... Все неприятности с нее начались. Как у моряков: когда баба попадает на корабль, жди беды. А тут надо ждать большой беды. Напрасно ты ее отпустил. Большой кипеш только начинается. И все из-за этой...

Олейник крепко выругался.

– Сам жалею, что отпустил, – ответил Зубов. – Будут новости, позвоню. Держись поувернее, если этот ментяра к тебе завернет.

– И ты не унывай. Я подумаю, как тебя лучше отмазать. Нужна правдоподобная легенда. Где пропал самолет? И откуда он снова появится? На эти вопросы придется отвечать. Весь расчет был на то, что вы быстро прихлопнете Батырова. А тут такая непруха. Ладно, держи связь...

Зубов смотал антенну и вырубил телефон.

* * *

Сумерки сгущались быстро, столб дыма стал почти невиден. На темно-фиолетовом бархате небе высыпали крупные звезды, показался острый серп месяца. Далеко в степи горел огонь костра. Это тот самый бедолага, похоронивший женщину в неглубокой, наспех вырытой яме, теперь, когда заметно похолодало, грелся у огня и закусывал лепешкой. Наверное, наедине с этим бездонным небом, темной степью, огоньком костра и свежим холмиком могилы человек чувствовал себя самым одиноким созданием во всей вселенной.

Дальше ждать не имело смысла. Спутники спустились к лагерю, положив на землю лист жести, бросили на него немного песка, плеснули солярки. Суханов саперной лопаткой смешал песок с машинным маслом, поднес горящую спичку и, поставив закопченный котелок поближе к огню, прибавил громкость приемника. Крутили джазовые композиции восьмидесятых годов группы «Чикаго». Не самая плохая музыка.

Зубов вытащил из-под брезента пластиковую канистру с водой, приподнял ее и грустно покачал головой. Литра четыре, не больше. На этом запасе, если экономить каждую каплю, можно продержаться еще сутки. А дальше хоть ложись на этот проклятый песок и подыхай.

– Надо было брать больше воды, – сказал Зубов.

– «Тобаго» – это бабочка, а не транспортный самолет, – резонно возразил Суханов. – Это еще чудо, что у нас хватило топлива долететь сюда. Это с лишним-то пассажиром. Если бы не попутный ветер, мы дотянули бы только до границы с Казахстаном. Не надо было давать воду этой девке. Четыре литра уперла... Этого бы нам еще на сутки хватило.

– Какого хрена сейчас вспоминать вчерашний день?

– Тогда кто-то из нас должен уйти, – сказал Суханов. – И вернуться обратно с водой.

– Если тут останется один человек – ни хрена не выйдет, – ответил Зубов. – Если уж уходить, то вместе.

– Но если мы уйдем, кто встретит Батырова?

– Раз уж мы сюда прилетели, то Батырова найдем. Информатор Олейника при первой возможности передаст координаты. Надо ждать. Но остаться здесь мы все равно не можем. Еще день – нечем будет плотку промочить. Что тогда? Только на своих двоих далеко не укатим. Нужен транспорт.

– Если рассуждать теоретически, – Суханов почесал за ухом, – нет, практически – мы могли бы долететь до ближайшего селения на самолете. Горючки хватит еще на сто километров. Или около того.

– Отпадает. Холмы кончаются через десять верст. А дальше голое пространство, которое просматривается вдоль и поперек. Там машину негде спрятать. Ее разберут по винтику еще до того, как мы утолим жажду. В любом случае весь эффект, на который мы рассчитывали, эффект внезапности, будет потерян. О некоем самолете с русскими летчиками узнает все народонаселение. А здесь, на дне высохшего озера, «Тобаго» простоит хоть десять лет. И ни одна собака не найдет.

– Зато собака найдет наши мумифицированные трупы.

Суханов хохотнул, хотя было не до смеха. Зубов полез в карман куртки армейского образца с декоративными погончиками на плечах, вытащил пухлый бумажник и пересчитал деньги.

– В этой дыре нужны мелкие купюры, а не сотни, – сказал Зубов самому себе. – С крупных не получишь сдачи.

– Что ты тут собираешься покупать, командир? – усмехнулся Суханов. – И у кого? Застегни лопатник. Бумажки еще пригодятся. Чтобы огонь развести.

Не дожидаясь ответа, он сел на земле, угадав ход мыслей Зубова.

– Ну, ты даешь, командир, – сказал Суханов. – Просто гигант мысли.
– Не надо этой цветистой восточной лести. – Зубов самодовольно улыбнулся.
Он поднялся на ноги, влез в рукава куртки и повесил на плечо ремень карабина.

Глава 6

Чуткий на ухо узбек по имени Муса еще издали услышал, как под чьим-то башмаком хрустнула сухая ветка. И снова наступила тишина, гулкая и прозрачная, какая бывает в зимнем лесу или в степи. Человек долго прислушивался и глядел в беспросветный мрак ночи. Ветка хрустнула снова, на этот раз рядом.

Он придвинул ближе к себе узел с барахлом, запустив руку в тряпки, нащупал рукоятку револьвера. Проворно вытащил и сунул оружие под халат.

Прошлой ночью человек потерял все, что нажил при жизни. Сначала запылал дом через улицу, потом незнакомые люди ворвались в хижину Мусы, выволокли его во двор, чем-то тяжелым саданули по башке, стали топтать ногами. А потом он провалился в глубокий колодец темноты, только сквозь забытие слышал истошные крики жены. Так продолжалось долго, очень долго. А потом наступила тишина. Он пришел в себя уже под утро. Муса валялся в придорожной канаве, из раны на затылке сочилась кровь. За что убили жену, он не знал. Бандиты унесли облезлый ковер и одноствольное ружье, самую ценную вещь в доме. И, главное, увели из стойла восемь овец и двух баранов. Весь скот, что был.

Не теряя времени, он завязал в простыни все вещи, что остались, обернул полотенцем изуродованное лицо жены, завернул в плюшевую скатерть ее тело и положил на повозку. Муса выкопал из земли револьвер отца, вложил в барабан два патрона и сунул оружие в тюк с тряпками. Когда Муса уезжал, соседский дом уже догорел, на единственной улице не встретилось ни собаки, ни человека. Кажется, все жители поселка ночью сбежали куда глаза глядят. Он ехал все утро и весь день, держа путь на северо-запад, к станции геологов, куда по контракту два года назад завербовался старший сын. Но станции Муса не нашел, видно, геологи переехали на новое место. Только вот куда...

Когда солнце стало закатываться за холмы, он понял, что пора остановиться. И вот теперь он здесь, в степи, и шайтан не знает, куда ему, старику, а Муса считал себя глубоким стариком, потому что в прошлом году ему стукнуло пятьдесят пять лет, держать путь дальше.

Муса запустил руку под халат, когда разглядел, как из темноты появляется контур человеческой фигуры. Человек шел на огонь, кажется, он был один. Добрые люди здесь не ходят, а злую собаку пристрелить не жалко. Лишь бы револьвер пальнул с первого раза. Муса уже хотел выхватить из-под халата свое оружие, когда шорох за спиной заставил его насторожиться. Он не успел повернуть голову. Через мгновение ствол карабина ткнулся в шею, и незнакомец сказал по-русски:

– Не дури, дядя. Руки покажи. Ну, чтобы я их видел.

Второй человек в куртке военного образца вышел из темноты, шагнул к оробевшему Мусе, вытащил ствол из-под складок халата, раскрыл барабан и, достав из него оба патрона, бросил револьвер на землю. Зубов присел на корточки, подмигнул Мусе одним глазом и доброжелательно улыбнулся. Муса давно не слышал русской речи, от волнения он плохо понимал смысл слов, но четко себе уяснил: этой ночью он не умрет. Его еще раз ограбят, заберут лошака с повозкой и револьвер, быть может, избыют – всего-то. Он почувствовал, как человек, стоявший за спиной, убрал ствол карабина от шеи и, чиркнув спичкой, прикурил.

– Мы с приятелем в степи заблудились, – сказал Зубов. – Да, такая вот неприятность вышла. Беда, можно сказать. Нам нужна твоя повозка. И осел.

– Это мой лошак, – поправил Муса.

– Не важно, – ответил Зубов. – И лошак сойдет.

– Забирайте, – сказал Муса.

Надо покоряться воле злой судьбы, если другого не остается.

– Мы не за так, – Зубов достал пухлый бумажник, черный, из настоящей кожи. – Все по-честному.

Через полчаса Муса в одиночестве сидел перед потухающим костерком и в шестой раз пересчитывал деньги, полученные от незнакомцев. Русские запрягли в повозку и увели в темноту лошака и еще попросили его отдать им старый халат и тюбетейку. Муса не стал снимать с себя то рванье, в котором приехал, развязал узел с тряпками, вручил незнакомцам почти новый халат, что берег на праздничный день. И еще две тюбетейки, старые, но чистые. Теперь потеря любимца лошака, старой повозки и этих тряпок не волновала Мусу. Всего за несколько минут он превратился из бедняка, потерявшего все, что имел, в очень обеспеченного, даже богатого человека. Разбитая жизнь волшебным образом склеилась и засияла новыми гранями.

Русские, не торгуясь, дали ему сто долларов двадцатками и еще сто долларов – десятками, и одну сотенную купюру. Таких бешеных денег Муса за всю свою жизнь не держал в руках, только пару раз видел в районном центре в лавке одного очень богатого менялы. Незнакомцы немного подумали и купили у Мусы два тюка с тряпьем, что лежали в повозке. Кинули на землю еще пятьдесят баксов и ушли в темноту.

Когда Муса пересчитывал купюры в десятый раз, руки тряслись, а взгляд туманили слезы. Он думал, что в пятьдесят пять лет рано ложиться в могилу и помирать с голоду. С такими деньжищами можно еще пожить в свое удовольствие. И как пожить... Купить молодых овец и баранов, бодрую лошадь вместо старого лошака, взять хорошую повозку и, конечно же, ковер. Взамен того, что утащили бандиты. Надо выбрать новый праздничный халат. И еще много денег останется. А потом хорошо бы поехать на север к дальнему родственнику Мурату. Путь долгий, но дело того стоит. Дочь Мурата уже невеста, двенадцать лет ей. Красивая, глазастая девчонка. И по дому помощница. Значит, пора замуж. Правда, Мурат просит за дочь слишком дорого – тридцать долларов.

Но, если поторговаться, отдаст и за двадцать.

* * *

Прогулка по степи поначалу показалась Пановой приятной. Над степью в голубой вышине кружила какая-то крупная птица, сухой воздух, впитавший в себя все запахи ушедшего лета, ароматы трав, соли и песка, кружил голову. Шагалось легко, а ляжки легкого рюкзака почти не давили на плечи. Панова подумала, что одежда на ней подходящая, на все случаи жизни. Свободного края светлый пиджак из хлопка на шелковой подкладке, джинсы и башмаки из нубука на толстой синтетической подошве, в которых ноги долго не устают.

Она выбрала средний темп ходьбы, чтобы солнце не напекло голову, надела бейсболку с длинным широким козырьком. Дыхание было ровным, а походка пружинистой и твердой. Довольная собой и окружающим миром, Лена сказала себе, что, покинув компанию Зубова и Суханова, приняла единственно верное решение. Но она ушла, выдержала характер, поборолась страх. Ушла, хотя догадывалась, что за мысли копошатся в голове Суханова.

Тот все сплевывал на песок и морщился, словно хотел сказать Зубову: командир, ты совершаешь ошибку, отпускать ее нельзя. Суханов что-то буркнул на прощание и отвернулся. Наверняка, когда Лена спускалась с холма на дорогу и ее затылок стал отличной мишенью для стрелка, лапы Суханова зудели и тянулись к карабину. Но он не выстрелил, потому что не захотел идти против Зубова. Теперь она свободна, главное сделано. И пусть впереди еще много приятных и не слишком приятных приключений, все кончится хорошо. Она благополучно доберется до людей, а там... Что будет «там», Панова точно не знала, лишь могла предположить, что даже в этой глуши есть автомобили, а на четырех колесах до настоящей цивилизации останется только проехать с ветерком.

За своими мыслями Лена не заметила, как холмы кончились, пропали за горизонтом, вскоре оборвалась и грунтовая дорога, превратившись в довольно узкую тропу, которая змеей вилась вдоль голой степи. Оглянувшись назад, Панова не сразу поняла, с какой стороны сюда пришла и куда направляется. Она достала компас, расстелила на земле карту, которую дал Зубов, скорректировала направление и тронулась дальше, выбрав ориентиром едва заметный холмик. Вскоре тропка сделалась совсем узкой и потерялась в высохшей траве.

Панова не жалела себя. Она прибавила шагу, думая на ходу, что она сильная закаленная женщина. На ее теле нет жира, только мышцы. Третий год она занимается карате, много двигается, два раза в неделю посещает бассейн, летом крутит педали велика, работает на тренажерах и со свободным весом. Несколько переходов по степи она выдержит легко, без видимого напряжения. Эти мысли вылетели из головы, когда Панова, зацепившись башмаком за сухие стебли травы, первый раз растянулась на земле.

Она решила, что задала слишком высокий темп, сделала уже шесть километров, не меньше, и немного выдохлась. Нужен короткий отдых – всего-то. И, если уж честно, по этому пеклу идти нельзя, пусть солнце немного опустится.

Сил хватило на то, чтобы глотнуть воды из пластиковой бутылки, раскатать спальник, накрыться им. Лена впала в странное забытие, не сон, не явь. Через пару часов она открыла глаза, стащила мятый пиджак, задрала рукава майки и осмотрела плечи. Лямки рюкзака натерли на коже бурые полосы, похожие на синяки. Ноги побаливали, а спину пронзала острая боль, от поясницы до самой шеи. Закатное солнце, висевшее над степью, кажется, под вечер стало еще жарче. В эту минуту физиономия Суханова не казалась ей отвратительной.

Панова подумала, что еще не поздно вернуться, она наверняка найдет обратную дорогу. Она удивилась своему малодушию и с отвращением посмотрела на огромный рюкзак. Она открыла банку говяжьей тушенки, съела пару ложек мягкого волокнистого мяса, закусил галетой, попила воды и решительно поднялась на ноги.

Ночь наступила так внезапно, будто сам бог, нажав кнопку, выключил дневной свет. Панова брела по степи, освещая дорогу фонариком, иногда она останавливалась, смотрела на звезды и шла дальше. Теперь мягкие ботинки представлялись ей орудием изощренной пытки, а в рюкзак, кажется, кто-то незаметно подложил несколько кирпичей.

Теперь Панова падала чаще, вставала долго и тяжело. Взваливала на плечи рюкзак и брела дальше, чтобы через пять минут снова растянуться на земле. Она поднималась, смотрела на звезды и светящуюся стрелку компаса и, пошатываясь, продолжала путь. Под утро, расстелив спальник, она забылась тяжелой дремой и проснулась, когда время близилось к полудню, а солнце жарило нестерпимо. Не было и мысли, чтобы продолжить путь в такое пекло. Пришлось, накрывшись спальником, отлеживаться за невысокой кочкой, дававшей немного тени.

* * *

К вечеру Панова с удивлением обнаружила, что одна из пластиковых бутылок пуста, из второй бутылки она успела выпить примерно пол-литра. И еще: за время путешествия она не встретила ни единого живого существа. Если верить карте, звездам и компасу, она движется в правильном направлении, отмахала около двадцати верст и уже должна выйти к большому поселку, но впереди не было ни жалкой хижины, ни юрты кочевника. Все та же ровная, как бильярдный стол, степь.

Второй ночной переход давался куда тяжелее первого. Панова часто падала, выставляя руки вперед и напарываясь ладонями на острые колючки. Подолгу лежала на земле, набираясь сил, чтобы подняться. Стонала в голос и шла дальше, боясь потерять ориентировку в пространстве, смотрела на звезды и снова шла вперед, понимая, что воды остается всего два глотка, значит, сил на еще один ночной переход может просто не хватить. Батарейки фонарика совсем

сдохли, в едва заметном световом круге почти невозможно было различить мелкие кочки, впадины, ноги проваливались в норки полевых грызунов, а рюкзак, из которого пришлось выбросить все лишнее, включая кусок мыла и полотенце, до крови натер кожу на ключицах. Дыхание сбивалось, сердце стучало тяжело, а глубокие ранки на ладонях кровоточили.

Ночной ветер гнал по степи песок, который так забивал рот, что не было сил шевелить языком. Когда темнота сделалась кромешной, где-то вдалеке показались машины с включенными фарами. Два автомобиля стояли на месте, движки выключены. Чадил костерок, но вокруг ни души. Панова хотела, собрав остатки сил, побежать к людям, но неведомая сила остановила ее.

Две неподвижно стоящие в степи машины... Есть в этом что-то странное, не поддающееся пониманию. Зачем они здесь? Как занесло их в эти карая? Почему водители заночевали в степи? Панова, лежа на земле, наблюдала за огнями. Но вот на землю легла человеческая тень, фары погасли, машины почти исчезли в темноте. Только костер еще горел, освещая контуры автомобилей. Лена сделала по степи полукруг длиною в полкилометра, обошла машины сзади и, решив, что свет тусклого фонаря издали никто не увидит, стала искать на земле следы протекторов.

Если тачки оказались здесь, они откуда-то приехали, скорее всего, из ближайшего поселка. Нужна же водителям вода, чтобы залить в радиаторы, нужны бензин, пища. На поиски следов покрышек ушло немного времени, Панова снова легла на землю. За последний час она израсходовала много сил, надо восстановиться. Теперь она близка к цели. След автомобильных покрышек выведет ее к людям. Отправляясь дальше, она оставила на месте последней стоянки спальник, толстый свитер, что сунул в рюкзак Зубов, даже кусок веревки. Теперь в рюкзаке оставались лишь пара банок консервов, бутылка с водой, плескавшейся на доньшке, перочинный нож, дамская сумочка со всякой ерундой и пистолет с заряженной обоймой.

Теперь идти стало легче, будто второе дыхание открылось. Следы шин на сухой земле даже с полудохлым фонарем видны неплохо.

Ночь близилась к концу, на востоке, над горизонтом появилось серое едва заметное свечение, которое все росло, меняя краски. Панова, больше не сбившись с пути, вышла на окраину то ли деревни, то ли поселка. Вдоль единственной улицы торчало несколько столбов с перекладинами наверху, но проводов почему-то не видно. Ни одно окно не светило, даже собаки не лаяли. Пахло гарью. Пошатываясь от усталости, Лена подошла ко второму с края дому, отступив с дороги, постучала костяшками пальцев в низкое окно. Тишина. И тихий шорох шагов. Дрогнула марлевая занавеска, за стеклом показалось дочерна загорелое женское лицо.

– Кого черт пригнал? – спросила хозяйка по-русски.

– Это... Это меня... Пригнал.

Панова хотела сказать еще что-то, но вместо этого села на землю. Лямка рюкзака свалилась с плеча. Панова уткнулась лицом в раскрытые ладони и хотела заплакать, когда где-то на другом конце улице глухо ударил винтовочный выстрел. Какой-то человек прокричал что-то коротко и неразборчиво, видно, выругался. Ударил новый выстрел, за ним другой, тонким голосом завывала женщина.

Чья-то горячая и сухая, как птичья лапка, рука ухватила Панову за шиворот пиджака и шею. Поставила на ноги, сграбастала за плечо и поволокла куда-то в темноту.

* * *

Майор Девяткин появился в фирме «Вектор» за четверть часа до назначенного времени. Он предъявил удостоверение двум мордворотам из службы охраны, скучавшим за стойкой у входной двери, и пешком поднялся на третий этаж, хотя лифт был свободен. Пробежался по коридору, прибавил обороты и на второй космической скорости проскочил приемную Олей-

ника. Секретарь, приоткрыв рот, успела привстать с кресла и снова села, когда дверь в кабинет генерального директора уже захлопнулась за посетителем, лицо которого она даже не успела разглядеть.

Олейник, не ожидавший раннего визита, сидя в кресле за столом, разглядывал фотографии некоего Олега Славина, убитого в баре «Али-Баба», переворачивал страницы его паспорта и транспортных накладных. По документам Славин привез в Москву из Ташкента два контейнера с изделиями народных промыслов. Контейнеры помещены на один из подмосковных таможенных терминалов и, как только пройдут очистку, окажутся у получателя, фирмы «Арт-Импекс», какой-нибудь однодневки, созданной конкретно под эту поставку. Сколько дури привез в Москву этот Славин – неизвестно, но мелочью он давно не занимается.

Славин... У этого черта паспортов на разные имена – пара дюжин, какое из записанных в них имен настоящее, возможно, не знал сам покойный. Он начинал рядовым сбытчиком, работал в Москве на крупных дискотеках и в кабаках для богемы, потом надолго исчез, изредка появлялся в столице, снова уходил на дно. Теперь он дослужился до курьера, доставлявшего в Москву крупные партии дури из Средней Азии, имел от десяти до пятнадцати процентов с каждой поставки.

Когда дверь открылась, хозяин кабинета поспешно захлопнул папку с бумагами, сунув ее в железный ящик стола, повернул ключ в замке и поднялся, разглядывая раздумавшуюся физиономию посетителя. А этот мент шустрый, явился раньше, словно хотел застать хозяина врасплох. Девяткин остановился перед столом, раскрыл удостоверение перед носом Олейника и, не дожидаясь приглашения, уселся за стол для посетителей.

Уже через минуту в кабинет постучали, и напротив гостя устроился человек в строгом синем костюме и ярком галстуке. Кудрявые темные волосы, напомаженные какой-то блестящей дрянью, отливали синевой.

– Позвольте представить: мой адвокат Михаил Семенович Рувинский, – сказал Олейник. – Беседы с представителями закона я веду в его присутствии.

– Ничего не имею против, – кивнул Девяткин и посмотрел на юриста так выразительно, что тот вжал голову в плечи, словно ожидал удара по макушке. – Сразу скажу: это не допрос. Не будет ни протокола, ни записи на пленку. Просто доверительная беседа. Для начала объясню ситуацию, чтобы вы не подумали, будто я хочу устроить вам какую-то неприятность.

Девяткин откашлялся и, стараясь объясняться кратко, изложил суть дела. Убили поэтессу Волгину, пожилую женщину. В последние годы жизни поэтессы с ней сблизилась, точнее, втерлась в доверие некая журналистка Елена Панова. У покойной пропали золотые безделушки, камушки, в частности, два браслета с сапфирами и крупными бриллиантами, изготовленные фирмой Фаберже. Следствие полагает, что Панова с летчиком-инструктором Зубовым вылетели на самолете «Тобаго», борт номер такой-то, в тренировочный полет и бесследно пропали. Парочку и самолет ищут уже третий день, но на удачу мало шансов.

Пропажу самолета и корыстное убийство Волгиной следствие никак не связывало до того момента, когда составили более или менее точную опись пропавших из квартиры вещей, и, прикинув приблизительную стоимость похищенного, схватились за голову. Речь идет о больших деньгах, настолько больших, что ради них стоит рискнуть многим. Между тем Панова по уши в долгах, после развода с мужем, преуспевающим бизнесменом, состоятельным человеком, она прочно села на мель, наделала долгов. И кредиторы уже давно проявляют нетерпение. Вот вам мотив убийства.

У Зубова проблем еще больше. Как только он ушел из большой авиации, появились денежные затруднения. Зубов привык жить прилично: полеты за границу, хорошая зарплата, всякие там премии и прочее. И вдруг – пинок под зад, и он на улице. Зубов долго ищет и с трудом находит работу инструктора в частной летной школе. Ему до чертей, до коллик в печенке надоел неустроенный быт, так называемая «работа», которую он в глубине души пре-

зирает. Накопились долги. И вдруг появляется Панова, бойкая молодая женщина, делает летчику предложение, от которого он не может отказаться. Панова хочет, избежав огласки, вылететь из страны на любительском самолете «Тобаго».

Теперь следствие готово предъявить этой барышне обвинение в убийстве. А пилота Зубова Леонида Ивановича подозревают в соучастии в этом дерзком преступлении. Исчезнувший самолет принадлежит Олейнику, Зубов – его старый приятель. Поэтому Девяткин пришел именно сюда. Любая информация, мелочь, пустяк, может оказаться полезной для следствия.

– Дело дерьмовое, – добавил Девяткин и замолчал.

Он вывалил груды информации. Рассказал то, о чем не стоило говорить. Наверняка Олейник захочет с кем-то поделиться этой информацией, разумеется, по телефону. Или получить совет дельного человека. Интересно, кому позвонит Сергей Николаевич. В оперативно-техническом отделе городские телефоны Олейника поставили на прослушку, не дожидаясь решения судьи по этому вопросу. Впрочем, к судье Девяткин не ходил. Техники – нормальные парни, а не формалисты, для которых закорючка и печать на бумажке важнее реальной оперативной обстановки. И Девяткин не формалист. На этом точка.

– Убийцу мы, если уж взялись, все равно достанем, – пообещал Девяткин. – Но любая помощь, самая скромная, в таком деле неоценима.

– Помилуйте, Леня – и вдруг соучастник убийства какой-то старушки, – Олейник, помрачнев, покачал головой. – Кто угодно, только не он. Из корыстных побуждений он не станет...

– Корысть – это не только деньги, – улыбнулся Девяткин. – Возможно, он хотел завоевать сердце молодой привлекательной женщины. Или уже завоевал. Это ведь тоже своего рода корысть.

– Леня – человек старой закваски. Порядочный и честный. Он не бабник и не потаскун. Он прекрасный семьянин.

– Возможно. Только с женой он состоит в разводе. В «Крыльях» не делают тайны из личной жизни Зубова. Он вам что-нибудь рассказывал о Елене Пановой? Может, просто словом обмолвился?

– Никогда.

– Так долго знакомы и совсем не говорили о женщинах?

– О женщинах – да. О Пановой – нет.

Олейник бросил взгляд на адвоката, хотел что-то добавить, но решил воздержаться.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Я пришел в авиашколу. Хотел освоить легкий самолет. Леня появился там незадолго до меня. Он как раз ушел из большой авиации.

– Вы знали, что у Зубова при невыясненных обстоятельствах погибла дочь?

– Слышал краем уха, – кивнул Олейник. – Но в душу к нему не лез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.